

БИБЛИОТЕКА

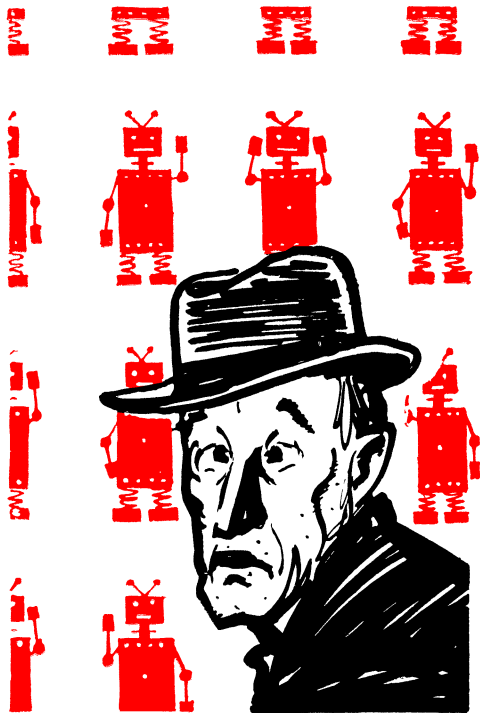
ОГОНЁК

№ 49

1967

Клиффорд
САЙМАК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

«СДЕЛАЙ САМ»

Клиффорд САЙМАК

«СДЕЛАЙ САМ»

Перевод с английского.

Издательство «ПРАВДА»
Москва. 1967

Клиффорд САЙМАК

Известный американский писатель-фантаст Клиффорд Дональд Саймак родился в 1904 году в штате Висконсин, где и получил университетское образование. Избрав по окончании университета профессию журналиста, он сотрудничал в различных газетах.

В настоящее время писатель живет в сельской местности, неподалеку от города Миннеаполиса. Там он разводит розы, удит рыбу и пишет книги.

Свою литературную деятельность Саймак начал в 1930 году и сейчас входит в первую пятерку американских фантастов. Известны его романы «Кольцо вокруг солнца» (1951 г.), «Город» (1952 г.), «Время — простейшая вещь» (1961 г.), «Пересадочная станция» (1963 г.) и другие. Опубликовано несколько сборников повестей и рассказов. Роман «Пересадочная станция» и повесть «Необъятный двор» отмечены премиями, присуждаемыми за лучшие научно-фантастические произведения.

На русский язык переведено более десятка повестей и рассказов Клиффорда Саймака.

«СДЕЛАЙ САМ»

Гордон Найт сидел как на иголках: ему хотелось, чтобы поскорей закончился рабочий день и можно было умчаться домой. Ведь сегодня он должен получить комплект деталей, заказанных компании «Сделай сам»! Он просто дожидаться не мог той минуты, когда приступит к сборке.

Его нетерпение объяснялось не только давнишним желанием иметь собаку (хотя и это играло существенную роль). Главное было в том, что, получив комплект, он попытается решить совершенно новую задачу. Ему до этого ни разу не приходилось иметь дело с таким комплектом фирмы «Сделай сам», в котором содержались бы не только механические, но и биологические компоненты. И это больше всего волновало. Правда, он знал, что большая часть биологических компонентов войдет в комплект в готовом виде, а на его долю останется только сборка. И все-таки тут была какая-то новизна...

Он так упорно думал обо всем этом, что даже слегка рассердился, когда Рэндолл Стюарт, то и дело бегавший пить воду, остановился на обратном пути у его стола. Рэндолл принялся подробно докладывать о своих успехах на поприще домашнего зубо врачевания. Гордон слушал его невнимательно и даже с легким раздражением.

— Это очень просто, — говорил Стюарт. — Совсем пустяки, надо только следовать инструкции. Поглядите, вот... Вчера вечером я сделал это сам!

Он присел на корточки возле стола Найта, открыл рот и что было силы оттянул пальцами нижнюю челюсть.

— О-о... десь, — промычал он, тыкая дрожащим пальцем в зуб, о котором шла речь.

Потом Стюарт отпустил челюсть.

— Сам запломбировал! — объявил он самодовольно. — Наладил целую систему зеркал, чтобы видно было, что там творится. Зеркала тоже прислали в комплекте, я только выполнял инструкцию.

Он снова запустил палец глубоко в рот и нежно погладил дело рук своих.

— На самом себе проделывать это немного неудобно. А вот на ком-нибудь другом...

Он с надеждой посмотрел на Найта.

— Должно быть, это интересно, — холодно сказал Найт.

— И выгодно! К чему платить бешеные деньги дантистам? Я думаю попрактиковаться на самом себе, а потом подлечу домашних. И друзей, если они захотят.

Найт на эту удочку не попался, и Стюарт перестал его соблазнять.

— Потом я еще собираюсь очистить зубы от наростов винного камня. Надо только подкопаться под десну. Для этого есть специальный крючок. Зачем платить дантистам, когда можно позабиться о собственных зубах самому?

— Да, видимо, это нетрудно, — согласился Найт.

— Верное дело! — подхватил Стюарт. — Строго придерживаться инструкции, и дело в шляпе. Чего только не сделаешь, если будешь следовать инструкциям...

Найт задумался. Что верно, то верно. Если действовать по инструкции, можно сделать что угодно, только надо не торопиться, а сесть и не спеша досконально все изучить.

Ведь построил же он в свободное время дом. И мебель сделал сам и всю домашнюю технику смонтировал. И все — в свободное от работы время... Хотя, видит бог, когда работаешь пятнадцать часов в неделю, свободного времени остается не так уж много.

Как хорошо, что, купив землю, он построил дом! Все тогда покупали, как их называли, поместья. А Грейс это так прочно вбила себе в голову, что ему ничего не оставалось, как тоже купить участок.

Платить плотникам, каменщикам и водопроводчикам он был, конечно, не в состоянии. Но, строя дом сам, он истратил какие-то пустяки. Правда, на это ушло десять лет. Но зато какое это было удовольствие!

Он сидел и думал, как интересно было строиться и как он гордился своей работой. «Нет, сэр, — сказал он себе, — на моем месте никто бы не построил лучшего дома».

Да и в построенном доме было еще немало работы. Надо пристроить новые комнаты... Они не очень нужны, конечно, но с ними, вероятно, будет удобнее. И крышу перекрыть. И летний домик построить. И участок до сих пор не приведен в порядок. Одно время он подумывал спланировать и разбить небольшой живописный парк — поработав несколько лет в свободное время, можно сделать из участка игрушку.

Найт часто беседовал со своим соседом Энсом Ли о том, что они могли бы сделать со своими участками, если бы у них было

больше времени. Но Ли, конечно, никогда ничего не сделает. Он юрист и, кажется, даже юриспруденцией занимается не очень усердно. У него большой кабинет, битком набитый юридической литературой, и в свое время он любил пространно поговорить об этих книгах, хотя, по всей видимости, никогда их не раскрывал. К тому же он заводил такой разговор, основательно нагрузившись, а это случалось довольно часто. Ли считал себя философом и твердо верил, что спиртное помогает мыслить.

Когда наконец Стюарт вернулся к своему столу, до конца рабочего дня все еще оставалось более часа. Найдя украдкой достал из портфеля свежий номер журнала «Сделай сам» и принялся перелистывать его, краем глаза поглядывая по сторонам, не заметит ли кто-нибудь, что он бездельничает.

Он уже прочитал раньше все статьи и теперь просматривал рекламу. «Жаль,— подумал он,— что у меня не хватит времени переделать такую уйму интересных дел.

Например:

сделать себе очки (инструменты для шлифовки и проверки линз включаются в комплект);

удалить самому себе гланды (подробная инструкция и необходимые хирургические инструменты);

превратить пустующую комнату в персональную больничную палату (какой смысл покидать дом во время болезни: ведь тогда-то вы больше всего нуждаетесь в утешении и заботе!);

изготовить нужные лекарства (начать с выращивания пятидесяти лекарственных растений; прилагаются точные указания, как ухаживать за ними и как собирать и обрабатывать урожай);

вырастить своей жене хорошенькую шубку (пара норок, тонна лошадиного мяса для прокорма, скорняжные инструменты);

сшить себе костюм и пальто (пятьдесят ярдов шерстяной материи с прикладом);

собрать телевизор;

переплести все книги из личной библиотеки;

построить собственную электростанцию (пусть на вас работает ветер);

собрать собственного робота (мастер на все руки: умен, послушен, не требует отпуска и платы за сверхурочную работу, находится при деле все двадцать четыре часа в сутки, никогда не устает, не нуждается ни в отдыхе, ни в сне, выполняет любую работу, какую только пожелаете)».

Найдя подумал, что это стоящее дело. Если завести такого робота, то помощь от него будет великая. К тому же робот—так говорилось в рекламе—может, как перчатки, менять приспособления для различных видов работ. В рекламе значились бесчис-

ленные приспособления: для разгребания снега, покраски стен... Словом, вот бы приобрести полный набор приспособлений, потом составить рабочую программу и положиться на робота полностью. Так можно было бы свалить с плеч все заботы по дому.

Остановка только за одним — комплект деталей робота стоит без малого десять тысяч долларов, да набор дополнительных приспособлений обойдется не меньше.

Найт закрыл журнал и спрятал его в портфель.

Посмотрев на часы, он убедился, что до конца рабочего дня оставалось минут пятнадцать. Приниматься за работу не стоило, и Найт продолжал бездельничать и думать о том, как он вернется домой и найдет там комплект, который уже ждет его.

Ему всегда хотелось иметь собаку, но Грейс противилась этому. Собаки грязны, говорит она, они портят ковры, у них блохи, они линяют, оставляют всюду клочья шерсти, и, кроме того, от них... дурно пахнет.

Но против искусственной собаки Грейс возражать не сможет.

От собаки не будет дурно пахнуть, ни линять, ни заводить блох она не станет тоже, потому что блохи подошли бы с голоду на полумеханической, полубиологической собаке. Собака ходила бы с ним на прогулки, бегала бы за палками и гоняла дичь. А что еще можно требовать от собаки? Для полноты картины она будет приветствовать каждый столб и дерево, но фирма гарантирует, что никаких пятен после этого не останется.

Подлетая к дому, Найт пошел на снижение. Поначалу он не заметил комплекта, который уже лежал у дверей сарая. Потом, увидев комплект, Найт еще на лету стал вглядываться и так вытянул шею, что чуть не врезался в изгородь. К счастью, ему удалось посадить летательный аппарат точно на усыпанную гравием площадку. Еще не перестали вращаться винты, а он уже мчался к сараю.

Да, это был комплект—никаких сомнений! Кверху упаковочной клетки был прикреплен конверт с накладной. Правда, клетка оказалась более громоздкой и тяжелой, чем он ожидал. Найт подумал: а не прислали ли ему по ошибке какую-нибудь собаку огромных размеров — не такую, какую он заказывал?

Он попытался сдвинуть клетку с места, но не осилил и пошел в дом, чтобы притащить из подвала тележку.

Завернув за угол, он остановился на минутку — поглядеть на свой участок. Да, можно было бы превратить его в красивый сад!

На северном конце участка было озерцо, и сад следовало бы разбить именно там. Земля вокруг озера сырая, настоящее болото, на ветру колышутся заросли бурьяна и камыша. Но если выкопать дренажные канавки, посадить культурные растения,

проложить дорожки и перекинуть через канавки живописные мостики, все будет выглядеть прелестно!

Найт перевел взгляд на дом Энсона Ли, стоявший за озерцом на холме. Как только собака будет собрана, он прогуляется с ней туда. Собака, наверно, понравится Ли. Иногда Найт чувствовал, что Ли не очень по душе то, что он делает. Например, то, что он помог Грейс сделать печь для обжига и сушки керамических изделий. Им тогда удалось выманить Ли из дому и отправиться вместе на поиски нужных сортов глины.

Ли не сказал ни слова и года два тому назад, когда Найт построил студию для Грейс: ей надоело заниматься керамикой, и она переключилась на живопись. Однако Найт чувствовал: Ли молчит только потому, что заранее убежден в тщетности спора.

Но искусственную собаку Ли одобрит! Найт гордился своей дружбой с Ли. Это превосходный человек... хотя и не шагающий в ногу со временем. Все поглощены какими-нибудь делами, а Ли живет себе полегоньку, занятый своей трубой и книгами, кстати, не имеющими никакого отношения к юриспруденции.

Даже дети теперь интересуются более серьезными вещами. Играя, они учатся. Например, Мэри до того как вышла замуж интересовалась агрономией. А Джон до поступления в университет, естественно, занялся космическими ракетами.

Найт направился по скату в подвал за тележкой. Как всегда, он несколько секунд постоял в подвале, оглядывая свои богатства. Здесь поистине было все, что интересовало его в жизни. Вон там, в углу, мастерская. А там — модель железной дороги, над которой он временами работал. За ней — фотолаборатория. Он вспомнил, как в подвале не хватило места для лаборатории, и ему пришлось пробить часть стены. Повозиться пришлось тогда много дольше, чем он думал.

Захватив тележку, Найт вернулся к сараю, погрузил комплект и отвез в подвал. Потом взял ломик и стал вскрывать упаковочную клеть. Он работал неторопливо и сноровисто: ему приходилось распаковывать немало комплектов фирмы «Сделай сам», и он знал, как управляться с ними.

Когда он вынул все детали, им овладело смутное беспокойство. Ни по форме, ни по размерам они не были такими, как он предполагал. Прерывисто дыша от усилий и волнения, он стал разворачивать их. Уже со второй детали он понял, что в комплекте все что угодно, только не собака. Разворачивая пятую деталь, он уже определенно знал, что ему прислала фирма.

Это был робот! И насколько Найт мог судить, лучшая, самая дорогая модель!

Он присел на угол упаковочной клетки, достал платок и вытер лоб. После этого вскрыл конверт с накладной.

«Мистеру Гордону Найту,— говорилось в бумаге.—Один комплект собаки. Оплачено полностью».

Итак, по мнению компании «Сделай сам, инкорпорейтед», он получил собаку. И за нее заплачено... полностью, как написано в накладной.

Он встал, снова сел и уставился на детали робота.

Никто никогда ни о чем не догадается. Придет время переучета, и компания обнаружит у себя лишний собачий комплект. Одного робота будет не хватать. Но попробуй разберись, в чем тут дело, если целые вагоны собак и тысячи проданных роботов уже давно разлетелись во все уголки страны.

Гордон Найт ни разу в жизни не совершал сознательно ни одного бесчестного поступка. Но теперь он уже принял бесчестное решение. Он знал, что поступает нечестно. И не было ничего, что могло бы служить ему оправданием. Быть может, хуже всего было то, что он обманывал самого себя.

Сначала он решил, что отошлет этого робота назад. Но так как он всегда мечтал собрать робота, то сперва соберет его, потом разберет и отправит компании. Он даже не будет включать робота, просто соберет...

Но Найт понимал, что лжет самому себе, что мало-помалу он все равно придет к бесчестному поступку. Он знал, что только тешит себя обещаниями: ведь на откровенный обман у него не хватит наглости.

Весь вечер он сидел и внимательно читал инструкцию, рассматривая одновременно каждую деталь. Именно так и следовало управляться с комплектами фирмы «Сделай сам». Найт по опыту знал, что торопливость здесь ни к чему. Пункт за пунктом разобраться во всем, и только потом приступать к сборке! Кроме того, кто знает, может быть, никогда больше не попадет ему в руки еще один робот.

* *

*

На службе начался четырехдневный перерыв, и Найт энергично принялся за дело, вкладывая в него всю душу. Он имел смутное представление о биологии и органической химии—пришлось засесть за учебники, чтобы познакомиться с некоторыми процессами. Дело продвигалось туго. Давно он уже не брался за всю эту премудрость и теперь обнаружил, что растерял даже начатки знаний. А тут еще Грейс, увидев, чем он занимается, немедленно стала придумывать для робота дела по хозяйству. Чтобы отделаться от нее, он надавал ей всяких обещаний и через некоторое время приступил к сборке.

Он по-прежнему уверял себя, что, как только соберет робота, тотчас же приступит к его разборке. Но когда робот был готов, Найту захотелось посмотреть, как он действует. Стоило ли убивать так много времени и даже не убедиться в том, что все сделано как следует? Найт щелкнул тумблером, приводящим робота в действие.

Робот ожил, глаза его уставились на Найта.

Потом он сказал:

— Я робот. Меня зовут Альберт. Что надо сделать?

— Спокойно, Альберт,— торопливо ответил Найт.— Присядьте и отдохните, мы поговорим.

— Я не нуждаюсь в отдыхе,— возразил робот.

— Хорошо, тогда просто стойте на месте. Я, конечно, не могу оставить вас у себя. Но раз уж вы включены, мне бы хотелось посмотреть, что вы умеете делать. Надо поработать по дому и в саду, подровнять газон, и потом я думал еще о планировке участка.— Найт замолчал и хлопнул себя по лбу ладонью.— Приспособления! Как мне достать приспособления?

— Ничего,— сказал Альберт.— Не беспокойтесь. Только скажите, что надо делать.

И Найт снова перечислил, что надо делать. Напоследок он, смущаясь, попросил заодно спланировать и разбить сад.

— Сотня акров — это большой участок, а вы не можете тратить на эту работу все время,— сказал он.— Грейс обязательно хочет, чтобы вы работали и по дому и, кроме того, в огороде.

— Послушайте, что я скажу вам,— проговорил Альберт.— Я составлю список материалов и приспособлений, которые вам надо заказать, а все остальное предоставьте мне. У вас хорошо оборудованная мастерская.

— Вы хотите сказать, что сами сделаете себе приспособления?

— Не беспокойтесь,— повторил Альберт.— Где карандаш и бумага?

Найт принес ему карандаш и бумагу, и робот составил список материалов (сталь различных марок, алюминиевые заготовки всяких размеров, медная проволока и многое другое).

— Вот! — сказал Альберт, протягивая Найту бумагу.— Это будет стоить вам не больше тысячи долларов, но зато мы получим возможность работать. Поскорее закажите все, и мы начнем.

Найт послал заказ, а Альберт принялся рыскать по подвалу и быстро собирать в кучу железный лом, валявшийся повсюду.

— Все это пригодится,— приговаривал он.

Потом Альберт выбрал несколько кусков стали, включил кузнечный горн и принялся за работу. Найт понаблюдал за ним немного и пошел обедать.

— Альберт — чудо,— сказал он Грейс.— Он сам делает себе разные приспособления.

— Ты ему сказал, что я просила сделать?

— Конечно. Но сперва ему надо изготовить приспособления.

— Я хочу, чтобы он поддерживал чистоту в доме,— сказала Грейс.— Потом надо сшить новые портьеры, покрасить кухню и починить все эти водопроводные краны, которые протекают. Ты так и не удосужился приложить к ним руку.

— Увы, дорогая.

— И мне хотелось бы, чтобы он выучился готовить.

— Я его не спрашивал, но мне кажется, он сможет делать и это.

— О, он мне окажет великую помощь!—воскликнула Грейс.— Подумать только, я смогу теперь тратить на живопись все свое время!

Долголетний опыт научил Найта, как ему вести себя в этой фазе разговора. Он как бы раздвоился. Одна часть его существа слушала и время от времени что-то отвечала, а другая продолжала размышлять о более важных делах.

Ночью Найт несколько раз просыпался и слышал, как в мастерской постукивает и громыхает металлом Альберт. И каждый раз он изумлялся этому, но потом вспоминал, что робот работает круглые сутки, изо дня в день. Найт лежал, глядя на темный потолок, и поздравлял себя с тем, что у него есть робот. Но, конечно, только временно... Он отошлет Альберта обратно через несколько дней. А сперва позабавится с ним немного. Ну, что плохого в этом?

На следующий день Найт спустился в подвал и предложил роботу свою помощь, но Альберт вежливо отклонил ее. Найт постоял немного, потом отошел от робота и попытался пробудить в себе давно угасший интерес к модели локомотива, которую начал делать года два тому назад, но все откладывал ради чего-то другого. Но ему почему-то не работалось. Он сел и стал думать, что же с ним такое происходит. Может быть, ему нужно новое увлечение? Он мечтал заняться кукольным театром, теперь на это хватит времени.

Найт достал каталоги и номера журнала «Сделай сам» и начал листать их, но интерес, да и то умеренный, в нем пробудили только стрельба из лука, альпинизм и постройка моторных лодок. Ко всему остальному он остался холоден. Казалось, ничто не могло вдохновить его сегодня.

Тогда он отправился на участок Энсона Ли.

Ли лежал в гамаке, покуривал трубку и читал Пруста; рядом на земле стоял кувшин.

Ли отложил книгу и указал на другой гамак, висевший поблизости.

— Залезайте и давайте отдыхать.

Найт устроился в гамаке, чувствуя себя довольно глупо.

— Поглядите на небо,— сказал Ли.— Вы когда-нибудь видели такое голубое небо?

— Я в этом ничего не понимаю,— ответил Найт.— Я в метеорологии не разбираюсь.

— Жаль,— сказал Ли.— В птицах вы тоже не разбираетесь?

— Когда-то состоял членом клуба наблюдателей за птицами.

— И так трудились, что и года не прошло, как вы устали и ушли из клуба. Наблюдение за птицами вы превратили в гонку на выносливость: каждый старался увидеть больше птиц, чем другой. И, наверное, вели журнал наблюдений?

— Ну и вел. Что в этом плохого?

— Плохого ничего,— сказал Ли,— если бы только вы не делали это с какой-то мрачной непреклонностью.

— Мрачной непреклонностью? С чего вы взяли?

— Таков уж весь ваш образ жизни. Хотя теперь все так живут. Кроме меня, конечно. Посмотрите на ту малиновку, что сидит на яблоне. Мы с ней друзья. Вот уже шесть лет, как мы знакомы. Об этой птичке я мог бы написать целую книгу, и, если бы малиновка могла читать, она одобрила бы ее. Но я, конечно, писать не буду. Стоит мне начать писать, и я больше не смогу наблюдать за малиновкой.

— Вы можете писать зимой, когда малиновки улетают.

— Зимой,— сказал Ли,— у меня есть другие дела.

Он наклонился, взял кувшин и протянул его Найту.

— Крепкий сидр,— пояснил он.— Сам сделал. И не потому, что прочел инструкцию или изобрел себе любимую привычку, а просто я люблю сидр, но по-настоящему делать его теперь уже никто не может. Чтобы он имел нужный вкус, надо оставлять в некоторых яблоках червь.

При упоминании о червях Найт поперхнулся и выплюнул сидр, который еще не успел проглотить, и тут же вернул кувшин. Ли отнесся к этому вполне добродушно.

— Этот сидр — первая работа, которую я проделал добросовестно за много лет.— Поставив кувшин на грудь, он стал тихо раскачиваться в гамаке.— Всякий раз, когда у меня появляется рабочий зуд, я смотрю через озеро на ваш участок и решаю не работать. Сколько комнат вы добавили к своему дому с тех пор, как вы его построили?

— Восемь,— гордо ответил Найт.

— Господи! Подумать только: восемь комнат!

— Это совсем не трудно,— запротестовал Найт,— надо только приноровиться. И, если хотите, это даже интересно.

— Сотни две лет назад люди не пристраивали по восемь комнат к своим домам. И не увлекались сразу десятком любимых дел. У них не было на это времени.

— Теперь это просто. Надо только купить комплект «Сделай сам» и...

— Это самообман,— отрезал Ли.— Очень легко делать вид, что занимаешься чем-то стоящим, а не растрачиваешь себя по пустякам. Как вы думаете, почему компания «Сделай сам» так разбогатела? Потому что люди нуждались в ее услугах?

— Делать самому дешевле. Зачем платить за вещь, когда ее можно сделать самому?

— Возможно, что сначала это и было причиной. Но какими разумными соображениями обоснована пристройка дополнительных восьми комнат? Кому нужны эти восемь комнат? Я сомневаюсь даже, что первопричиной было желание сэкономить деньги. У людей слишком много свободного времени, которое надо на что-то убить, вот они и придумывают себе увлечения. Что же касается меня, то я знаю, чем мне заниматься.

Он поднял кувшин и предложил Найту выпить. На этот раз Найт отказался...

Они лежали в гамаках, поглядывали на голубое небо и наблюдали за малиновкой. Найт сказал, что для горожан есть специальные комплекты «Сделай сам», с помощью которых они могут мастерить роботов-птиц. В смехе Ли он услышал жалость к горожанам и смущенно умолк.

Когда Найт вернулся домой, какой-то робот подстригал траву возле частогокола. У него было четыре руки с четырьмя ножницами, и работу он делал ловко и споро.

— Вы не Альберт, нет? — спросил Найт, пытаясь догадаться, как этот странный робот мог забрести к нему на участок.

— Нет,— сказал робот, продолжая подстригать траву.— Я Авраам. Меня сделал Альберт.

— Сделал?

— Альберт создал меня, чтобы я работал. Не думаете же вы, что Альберт станет работать сам?

— А кто его знает,— сказал Найт.

— Если вы хотите поговорить со мной, двигайтесь рядом. Мне надо работать.

— А где сейчас Альберт?

— В подвале. Он делает Альфреда.

— Альфреда? Еще одного робота?

— Конечно. Для этого Альберт и существует.

Найт почувствовал слабость в ногах и прислонился к столбу.

Сначала был один робот. Теперь их два! И Альберт в подвале готовит третьего! Так вот почему Альберт требовал, чтобы был сделан заказ на сталь и другие материалы... Но ведь заказ еще не доставлен. Значит, он сделал этого робота... этого Авраама... из собранного лома!

Найт поспешил в подвал, где у горна работал Альберт. Еще один робот был уже почти собран, и повсюду лежали готовые детали.

— Альберт!

Альберт обернулся.

— Что здесь происходит?

— Я воспроизвожусь,— вежливо ответил Альберт.

— Но...

— В меня вмонтирован материнский инстинкт. Я не знаю, почему меня называли Альбертом. Мне надо было дать женское имя.

— Но, черт возьми, вам не велено делать других роботов!

— Погодите, перестаньте кипятиться. Вам ведь нужны роботы, не так ли?

— Ну... предположим.

— Вот я их и делаю. Я делаю все, что вам требуется.

Он отвернулся к горну и снова принялся за работу.

Робот, который делает других роботов!.. Но это же целое богатство! Робот—это кругленькая сумма: десять тысяч долларов. Альберт уже сделал одного и мастерит другого. Двадцать тысяч долларов...

Видимо, Альберт способен делать больше двух роботов в день. Он работает на металлическом ломе, а когда придут новые материалы, он, несомненно, ускорит производство.

Но даже если он будет выпускать по два робота в день... Это значит, что за месяц он будет производить роботов на полмиллиона долларов! На шесть миллионов в год!

Найт с ужасом вдруг сообразил, что тут что-то неладно. Роботы не должны производить себе подобных. А если и существовал такой робот, то компания «Сделай сам» ни за что не выпустила бы его из рук! Но так или иначе, этот робот, не принадлежащий ему, делает других роботов с головокружительной быстротой.

Найт подумал, что, наверно, на производство роботов требуется официальное разрешение. Прежде он никогда не интересовался этим вопросом, но такое соображение показалось ему резонным. К тому же робот был не просто машиной, а имитацией живого человека. Найту пришло в голову, что по этой части должны существовать какие-нибудь правила и положения, правительственный надзор и прочее. И он представил себе,

правда, довольно смутно, сколько же законов он, возможно, сейчас нарушает.

Найт посмотрел на Альберта, который по-прежнему работал; он был уверен, что робот не поймет его беспokoйства.

Тогда он поднялся наверх и прошел в комнату для игр и развлечений, которую пристроил несколько лет назад и с тех пор ни разу не использовал по назначению, хотя она была полностью оборудована столами для пинг-понга и бильярда, сооруженными по рецептам «Сделай сам». В ненужной комнате для игр и развлечений был ненужный бар. Найт нашел в нем бутылку виски. После пятой или шестой рюмки жизнь предстала перед ним в розовом свете.

Он взял бумагу и карандаш и попытался подсчитать прибыльность нового дела. И, сколько он ни считал, все выходило, что он богатеет быстрее, чем любой другой человек в прежние времена.

Он понимал, конечно, что неминуемо возникнут большие трудности, если он станет продавать роботов, не имея зарегистрированного предприятия и официального разрешения, если такое требуется, и еще многого, о чем он не имел представления.

Но какие бы неприятности ему ни грозили, Найт больше не приходил в уныние: важно ведь то, что за один год он станет миллионером! Он бодро приложился к бутылке и впервые почти за двадцать лет напился допьяна.

Прилетев на следующий день с работы домой, он увидел, что газон подстрижен так, как его никогда не подстригали. Цветочные грядки были прополоты, огород вскопан. Изгородь только что покрасили. Два робота, снабженные складными ногами вместо лестниц, красили дом.

Внутри дома не было ни пятнышка. Он услышал, как Грейс что-то весело напевает в своей мастерской. В комнате для шитья робот (с швейной машинкой, привинченной к груди) строчил новые портьеры.

— А вы кто? — спросил Найт.

— Мы уже знакомы,— сказал робот.— Вы разговаривали со мной вчера. Я Авраам, старший сын Альберта.

Найт выбежал из комнаты.

В кухне еще один робот хлопотливо готовил обед.

— Я Адельберт,— сообщил он Найту.

Найт вышел на крыльцо. Роботы кончили красить фасад дома и перебирались к боковой стороне.

Сев в кресло, стоявшее на газоне, Найт снова задумался.

Некоторое время он не будет уходить с работы, чтобы не вызвать подозрений. Но долго это продолжаться не может. Вскоре

ему придется полностью посвятить себя продаже роботов и другим делам. Значит, придется показать себя окончательным бездельником и лентяем, и тогда его уволят с работы. Но, поразмыслив, Найт пришел к заключению, что это невыполнимо: делать меньше того, что он делает на службе, просто невозможно.

Видимо, надо придумать какую-нибудь правдоподобную историю о неожиданно полученном наследстве или какой-нибудь другой предлог для ухода. Секунду Найт тешил себя мыслью: а что, если просто сказать правду? Но он тотчас отбросил эту мысль: правда звучала бы слишком фантастично... Во всяком случае, этого делать не стоит, пока он немного не разберется в своем положении...

Найт встал с кресла и пошел в подвал. Сталь и другие материалы, которые он заказывал, были доставлены и аккуратно сложены в углу.

Найт стал лениво собирать упаковочный материал, валявшийся на полу с тех пор, как он распаковал Альберта. В куче стружки он нашел маленькую синюю табличку, которая, как он помнил, была прикреплена к ящичку с мозгом робота.

Он поднял ее и прочел. На ней стоял номер «Х-190».

«Х» означает экспериментальную модель.

И тут он понял все.

Фирма «Сделай сам, инкорпорейтед» создала Альберта и, упаковав, отправила на склад, потому что не могла себе позволить выбросить на рынок такой товар. Этим она сама себя привела бы к финансовому краху. Продай она десяток Альбертов, и года через два рынок до отказа насытился бы роботами. И цена на них была бы не десять тысяч. Их продавали бы за бесценок: ведь их производили бы не человеческие руки.

— Альберт,— сказал Найт.

— Что? — рассеянно откликнулся робот.

— Взгляните на это.

Альберт подошел и взял табличку, которую протянул ему Найт.

— А... это! — сказал он равнодушно.

— Могут быть неприятности.

— Никаких неприятностей не будет, хозяин,— заверил Альберт.— Меня не опознают.

— Не опознают?

— Я сточил номера и изменил внешнюю отделку. Никто не сможет доказать, что я—это я.

— Но почему вы это сделали?

— Чтобы на меня не предъявили претензий и не взяли обротно. Меня сделали, потом испугались и изолировали. Но я попал сюда.

— Кто-то ошибся,— сказал Найт.— Наверное, во время погрузки. Вас прислали вместо собаки, которую я заказал.

— А вы не побоялись. Вы собрали меня и позволили работать. Я остаюсь с вами, хозяин.

— И все же мы можем попасть в беду.

— Никто ничего не сможет доказать,— настаивал Альберт.— Я поклянусь, что это вы сделали меня. Я не дам забрать меня обратно. Второй раз мне улизнуть уже не позволят. Меня превратят в лом.

— Но если вы сделаете слишком много роботов...

— Вам нужно много роботов, чтобы переделать всю работу. Думаю, для начала понадобится штук пятьдесят.

— Пятьдесят?!

— Конечно. На это уйдет примерно месяц. Теперь, когда у меня есть заказанные вами материалы, я могу ускорить производство. Кстати, вот счет от фирмы за материалы.

Он извлек из углубления, служившего ему карманом, полоску бумаги и вручил ее Найту.

Увидев сумму, Найт заметно побледнел. Она вдвое превышала его расчеты... Но, конечно, тех денег, которые будут выручены от продажи хотя бы одного робота, хватит с избытком.

Альберт похлопал Найта увесистой рукой по спине.

— Не беспокойтесь, хозяин. Я позабочусь обо всем.

Стая роботов, вооруженных специальными приспособлениями, приступила к работе на участке. Заросшая, неухоженная земля обретала другой вид. Озерцо было вычищено и углублено. Проложены дорожки. Построены мостки. На склоне холма устроены террасы. Разбиты большие цветочные клумбы. Сделаны модели парусных кораблей; поставленные на якоря, они очень украсили озеро. Построены пагода и минарет, вокруг них посажены вишневые деревья.

Найт пошел советоваться с Энсоном Ли. Тот с видом прожженного стряпчего заявил, что разберется в ситуации.

— Вы, возможно, стоите на грани нарушения закона,— добавил он.— Но как близко вы подошли к этой грани, я могу сказать, только просмотрев соответствующие статьи закона.

Вскоре к Найту явился чиновник податной инспекции.

Они вдвоем присели на скамью возле газона.

— С тех пор, как я был здесь в последний раз, у вас стало лучше,— сказал чиновник.— К сожалению, я вынужден увеличить сумму налога.

Он что-то записал в книжку, которую держал на колене.

— Слышал я о ваших роботах,— продолжал он.— Это движимое имущество. Оно подлежит обложению. Сколько их у вас?

— Примерно несколько десятков,— уклончиво ответил Найт. Чиновник сел попрямее и принялся считать тех роботов, которые были на виду, тыкая в сторону каждого карандашом.

— Слишком уж быстро они передвигаются,— пожаловался он.— Не ручаюсь за точность, но штук тридцать восемь я насчитал. Правильно?

— Не думаю,— ответил Найт, сам не знавший, сколько у него роботов, но уверенный, что их станет еще больше, если чиновник посидит еще немного.

— Каждый робот стоит десять тысяч долларов. Амортизация, стоимость содержания и так далее... Оценим каждого в пять тысяч. Все вместе... сейчас подсчитаем... Они стоят 190 тысяч долларов.

— Нет, вы послушайте,— запротестовал Найт,— нельзя же...

— Я к вам отнесся по-хорошему,— заявил чиновник.— По правилам я должен был скинуть на амортизацию всего одну треть.

Он ждал, что Найт будет продолжать спорить, но тот уже сообразил, что лучше помолчать. Чем дольше этот человек будет оставаться здесь, тем больше шансов, что сумма налога возрастет.

Когда чиновник скрылся из глаз, Найт пошел в подвал, чтобы поговорить с Альбертом.

— Я сохранял спокойствие, пока приводили в порядок участок,— сказал Найт.— Теперь я, кажется, больше не могу. Нам придется продать несколько роботов.

— Продать? — в ужасе воскликнул Альберт.

— Но мне нужны деньги. Только что здесь был налоговый инспектор.

— Хозяин, роботов продавать нельзя!

— Почему нельзя?

— Потому что это моя семья. Роботы — мои сыновья. Это всякий поймет по их именам.

— Это смешно, Альберт.

— Все их имена начинаются с «А», как и мое имя. Они все, что у меня есть, хозяин. Я тяжело трудился, чтобы сделать их. Между мной и моими мальчиками такие же узы, как между вами и вашим сыном.

— Но, Альберт, мне нужны деньги.

Альберт похлопал его по плечу.

— Не беспокойтесь, хозяин. Я все устрою.

Найт только махнул рукой.

На другой день он получил приглашение явиться в департамент государственных сборов.

Всю ночь Найт думал, не лучше ли будет просто уехать, скрыться от налогового ведомства. Но может ли человек исчезнуть? Чем больше он прикидывал, тем яснее создавал, что в век досье, отпечатков пальцев и прочих полицейских ухищрений для опознания личности надолго не скроешься...

Чиновник департамента государственных сборов был вежлив, но непреклонен.

— Нам сообщили, мистер Найт, что за последние несколько месяцев у вас наблюдается значительное увеличение капитала.

— Увеличение капитала? — пробормотал Найт, вытирая пот со лба. — Никакого увеличения капитала у меня нет.

— Мистер Найт, — заметил вежливый, но непреклонный чиновник, — я говорю о пятидесяти двух роботах.

— Роботах? Пятидесяти двух?

— По нашим подсчетам. Вы полагаете, что мы ошиблись?

— О нет! — торопливо согласился Найт. — Раз вы говорите, что их пятьдесят два, то я вам верю.

— Насколько мне известно, розничная цена каждого — десять тысяч долларов.

Найт уныло кивнул.

Чиновник с карандашом в руке занялся подсчетами.

— Пятьдесят два раза по десять тысяч — это будет пятьсот двадцать тысяч. Облагается только пятьдесят процентов прироста капитала, или двести шестьдесят тысяч долларов. Следовательно, вам надо уплатить примерно сто тридцать тысяч долларов.

Его взгляд встретился с тусклым взглядом Найта.

— К пятнадцатому числу следующего месяца, — сказал чиновник, — ждем от вас декларации о доходах. Тогда же вы заплатите половину суммы налога, остальное можете выплачивать по частям.

— И это все, что вы хотели от меня?

— Это все, — сказал чиновник. — Есть, правда, еще одно дело, но оно не входит в мою компетенцию, и я упоминаю о нем только для того, чтобы предупредить вас, если вы сами еще не подумали об этом. Кроме федерального налога, вам надо будет уплатить еще налог штата, хотя, разумеется, он не столь велик.

— Спасибо, что напомнили, — сказал Найт, поднимаясь.

У двери чиновник остановил его.

— Мистер Найт, то, о чем я спрошу вас, тоже не входит в мою компетенцию... Мы навели справки о вас и узнали, что вы получаете десять тысяч долларов в год. Это уж мое личное любопытство, но скажите, пожалуйста, как вы, получая десять тысяч в год, вдруг сумели нажать еще полмиллиона?

— Я и сам этому удивляюсь, — ответил Найт.

— Мы заботимся, естественно, только об уплате налога, но вами может заинтересоваться и какое-нибудь другое правительственное учреждение. На вашем месте, мистер Найт, я бы постарался придумать хорошее объяснение.

Летя домой, Найт решил: хочет того Альберт или нет, придется продать определенное число роботов. Альберт уже ждал его на посадочной площадке.

— Здесь был представитель фирмы «Сделай сам»...

— Не надо! — простонал Найт — Я знаю, что вы мне хотите сказать.

— Но я уже все устроил, — с фальшивым воодушевлением продолжал Альберт. — Я сказал ему, что меня сделали вы. Я позволил ему осмотреть и меня и всех роботов. Он не мог найти клейма компании ни на одном из нас.

— Конечно, не мог. Свое клеймо вы сточили, а на других не ставили.

— Ему не к чему было прицепиться. Но он сказал, что доказательства найдутся. Фирма подает в суд.

— Налоговый инспектор только что сказал мне, что я должен правительству сто тридцать тысяч.

— Ах, деньги! — сияя, молвил Альберт. — Я все устроил.

— Вы знаете, где мы можем достать денег?

— Конечно. Пойдемте со мной, увидите.

Он повел Найта в подвал и показал два свертка, перевязанных проволокой.

— Деньги, — сказал Альберт.

— В этих свертках настоящие деньги? Долларовые бумажки? Не театральные реквизиты? И не сигарные купоны?

— Долларовых бумажек здесь нет. Главным образом, десятки и двадцатки. Несколько пятидесятидолларовых банкнотов. Мы долларовыми ассигнациями не занимались. Слишком много возни, чтобы сделать их приличное количество.

— Вы хотите сказать, Альберт, что вы сами сделали эти деньги?

— Вы сказали, что вам нужны деньги. Мы взяли для образца несколько банкнотов, сделали анализ краски, выяснили состав и структуру бумаги и изготовили клише. Не люблю быть нескромным, но деньги сделаны безукоризненно.

— Фальшивомонетчик! — завопил Найт. — Сколько денег в этих свертках?

— Не знаю. Мы их делали, пока не подумали, что хватит. Если их не хватит, мы всегда можем сделать еще.

Найт знал, что объяснять что-либо роботу бесполезно, но решил не отступать.

— Правительство хочет получить с меня деньги, которых у

меня нет, Альберт. Вскоре в меня может вцепиться министерство юстиции. Компания «Сделай сам» подает на меня в суд. На меня свалилось достаточно всяких бед. И я не хочу, чтобы мне еще предъявили обвинение в подделке денег. Возьмите эти деньги и немедленно сожгите.

— Но это деньги,— возразил робот.— Вы сами говорили, что вам нужны деньги. Когда роботы берутся за работу, они делают ее добросовестно.

— Возьмите эти бумажки и сожгите их! — приказал Найт.— А когда сожжете, вылейте краску, искрошите клише и ударьте несколько раз кувалдой по печатному станку, который вы соорудили. И никогда не говорите об этом ни слова кому бы то ни было! Кому бы то ни было, вы понимаете?

— Вы попали в беду, хозяин. И мы просто хотели вам помочь.

— Я знаю это и ценю. Но сделайте так, как я сказал.

— Ладно, хозяин, если вы этого хотите.

— Альберт!

— Да, хозяин.

Найт хотел было сказать: «Послушайте, Альберт, нам придется продать робота, хоть он и член вашей семьи».

Но он так и не решился. Вместо этого он сказал:

— Спасибо, Альберт. Жаль, что вы работали впустую.

Потом он поднялся наверх и оттуда смотрел, как роботы жгут пачки денег. Один бог знает, сколько фальшивых миллионов превратилось в дым.

* *

*

В тот же вечер, сидя у газона, Найт стал размышлять о том, правильно ли он поступил, приказав сжечь фальшивые деньги. Альберт сказал, что их нельзя отличить от настоящих денег. По-видимому, это была правда, потому что, когда Альберт с подручными берется за дело, они делают его так, что комар носа не подточит. Но пустить эти деньги в ход было бы серьезным нарушением закона, а Найт до сих пор не делал ничего по-настоящему незаконного... Правда, он распаковал и собрал Альберта, не купив его, что было по меньшей мере неэтично.

Есть только один способ избавиться от всех неприятностей. Он может отослать Альберта и других роботов фирме «Сделай сам», и тогда она не будет иметь оснований для предъявления иска. А сборщикам налогов он объяснит, что произошла ошибка.

Но и это не выход из положения.

Во-первых, Альберт не захочет вернуться. Найту трудно было судить, что может натворить в подобной ситуации Альберт, который боится, что его превратят в груды металлического лома.

Во-вторых, Найту очень не хотелось отказываться от роботов. Он узнал их и полюбил.

Так он и сидел, придавленный неприятностями, запутавшийся маленький клерк, который никогда не хватал с неба звезд, а брел по гладкой дороге, укатанной кем-то другим.

«Видит бог,— подумал он вдруг,— пришел решающий час моей жизни. Хватит бояться всего! Я покажу им, что такое Гордон Найт и его роботы!»

Утром, выйдя из дому, Найт увидел шерифа, который, низко надвинув шляпу, стоял, прислонившись к забору. Коротая время, он дремал.

— Доброе утро, Горди,— сказал шериф.— Я вас жду.

— Доброе утро, шериф.

— Я терпеть не могу этого, Горди, но служба есть служба. Я принес вам бумагу.

— Я ее ожидал,— покорно сказал Найт.

Он взял бумагу, протянутую шерифом.

— Красивый у вас стал участок,— заметил шериф.

— От этого-то и все заботы,— признался Найт.

— Я думаю...

— Вся красота не стоит этих забот.

Когда шериф ушел, Найт развернул бумагу и не удивился, когда прочел, что компания «Сделай сам» предъявила иск, требуя возвращения робота Альберта, а также всех прочих роботов.

Он положил бумагу в карман и зашагал мимо озера по но-вехонькой, выложенной кирпичом дорожке, через бесполезные, но радующие глаз мостки, мимо пагоды и террас на склоне холма. Он торопился к дому Энсона Ли.

Ли был на кухне и жарил яичницу с ветчиной. Он разбил еще два яйца, нарезал побольше ветчины и достал тарелку для Найта.

— А я все думал, чего это вы так долго не показываетесь,— сказал он.— Надеюсь, вас не подведут под статью, требующую смертной казни?

Найт рассказал ему все, и Ли, стерев яичный желток с губ, не слишком его обнадежил.

— Вам придется подать декларацию о своем имуществе, даже если вы не в состоянии заплатить налог,— сказал он.— Формально вы не нарушили закона, и все, что они могут сделать,— это попытаться получить с вас причитающиеся деньги. Очевидно, на ваше жалованье будет наложен арест. Но так как ваше жалованье не превышает законного минимума, то арест будет наложен на ваш банковский счет.

— Мой банковский счет исчерпан,— сказал Найт.

— Вашего дома тронуть нельзя. По крайней мере временно вашего недвижимого имущества отнять не могут, и поэтому сразу больших неприятностей не будет. Другое дело — налог на движимое имущество, но срок его уплаты опять-таки истекает только весной будущего года. Я бы сказал, что больше всего вам надо остерегаться иска компании «Сделай сам», если вы, конечно, не захотите порешить дело миром. Я подозреваю, что фирма откажется от иска, если вы вернете роботов. В противном случае я, как юрист, должен сказать вам, что ваше дело проигрышное.

— Альберт засвидетельствует, что это я сделал его, — со слабой надеждой в голосе сказал Найт.

— Альберт не может выступать в качестве свидетеля, — возразил Ли. — Он робот, и его слово для суда ничего не значит. Во всяком случае, вам не удастся заставить суд поверить, что вы в состоянии сделать такое механическое чудовище, как Альберт.

— Я хорошо умею мастерить, — запротестовал Найт.

— А что вы знаете об электронике? Насколько вы компетентны в биологии? Перескажите мне десяток формул из теории думающих машин.

Найт признал себя побежденным.

— Да, вы правы, — сказал он упавшим голосом.

— Может быть, лучше вернуть роботов?

— Но я не могу! Разве вы не понимаете? Компании «Сделай сам» Альберт нужен не для того, чтобы пустить его в дело. Она превратит его в лом, сожжет чертежи, и может пройти еще тысяча лет, прежде чем будет вновь открыт принцип его действия. Я не знаю, принесет ли пользу или будет людям во вред этот принцип, но то же самое можно сказать о любом изобретении. Я против того, чтобы Альберта превратили в лом.

— Я понимаю вас, — задумчиво протянул Ли, — и поддерживаю вашу точку зрения. Но должен предупредить, что я не такой уж хороший адвокат. У меня было мало практики.

— Но я больше не знаю никого, кто бы взялся за это дело без гонорара.

Ли посмотрел на него с сочувствием.

— О гонораре потом... А вот судебные издержки не мешает принять во внимание.

— Может быть, мне переговорить с Альбертом и рассказать ему, как обстоит дело, и тогда он позволит мне продать несколько роботов, чтобы временно избавить меня от беды?

Ли покачал головой.

— Я уже думал об этом. Вы все равно должны иметь разрешение на продажу роботов. Но для того, чтобы получить разре-

шение, вам придется представить доказательства, что вы их владелец — что вы либо купили, либо произвели их. А в этом случае вам надо иметь разрешение на их производство. А чтобы получить такое разрешение, вы должны предъявить чертежи вашей модели, не говоря уже о чертежах и спецификации самого завода, документах, касающихся рабочей силы, и прочее и прочее.

— Значит, я у них в руках?

— Признаюсь, я никогда не видел человека,— заявил Ли,— который бы умудрился стать поперек дороги такому числу людей.

В дверь кухни постучали.

— Войдите! — крикнул Ли.

Дверь открылась, и вошел Альберт. Он остановился у двери и стал нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу.

— Абнер сообщил мне, что он видел, как шериф вам что-то вручил,— сказал он Найту,— и вы тотчас пошли сюда. Я забеспокоился. Это связано с компанией «Сделай сам»?

Найт кивнул.

— Мистер Ли будет защищать нас в суде, Альберт,— сказал он.

— Я сделаю все, что смогу,— сказал Ли,— но мне кажется, что это бесполезно.

— Мы, роботы, хотим помочь вам. В конце концов борьба ведется не только в ваших интересах, но и в наших.

Ли пожал плечами.

— Пользы от вас будет не много.

— Я все обдумал,— сказал Альберт.— Работая, я всю ночь думал и думал. И я сделал работа-юриста.

— Работа-юриста?!

— Да, работа с большим объемом памяти, чем у остальных, и мощным решающим устройством, действующим по законам формальной логики. Ведь право основано на логике, не так ли?

— Вероятно,— ответил Ли.— Во всяком случае, должно основываться на ней.

— Я могу сделать много роботов-юристов.

— Ничего из этого не выйдет,— со вздохом сказал Ли.— Чтобы выступать в суде, надо получить право заниматься адвокатской практикой. Чтобы получить право заниматься адвокатской практикой, надо иметь юридическое образование, выдержать экзамен, и, хотя еще не было соответствующего прецедента, я подозреваю, что кандидатом в адвокаты должен быть человек!

— Давайте не торопиться,— сказал Найт.— Роботы Альберта

не могут заниматься адвокатурой. Но разве вы не можете использовать их в качестве клерков или помощников? Они могли бы оказать большую помощь при подготовке к процессу.

— Пожалуй, это можно сделать,— задумчиво произнес Ли.— Прежде этого не делалось никогда, но закона, который бы утверждал, что этого делать нельзя, не существует.

— Им нужно только прочесть побольше книг,— заявил Альберт.— Они тратят примерно пять секунд на страницу. Все, что они прочтут, будет накапливаться у них в ячейках памяти.

— Прекрасная мысль!— воскликнул Найт.— Роботы будут знать только право. Они будут юристами до мозга костей.

— Но смогут ли они применить свои знания?— спросил Ли.— Смогут ли они использовать их при решении какой-либо проблемы?

— Сделать несколько десятков роботов!— возбужденно продолжал Найт.— Дать возможность каждому из них стать знатоком какого-нибудь одного раздела права.

— Я бы снабдил их еще телепатическими устройствами,— сказал Альберт.— Они бы работали все вместе, как один робот.

— Принцип взаимодействия?!— вскричал Найт.— Каждый из них будет автоматически получать любую информацию, которая имеется у другого, так, что ли?

Ли потер подбородок кулаком, глаза его заблестели.

— Стоит попробовать. Если это получится, то для юриспруденции, пожалуй, наступит черный день.— Он взглянул на Альберта.— У меня есть книги, горы книг. Я потратил на них кучу денег и никогда ими не пользовался. Я могу достать все книги, которые вам понадобятся. Ладно, беритесь за дело.

На всякий случай Альберт сделал три десятка роботов-юристов.

Роботы заполнили кабинет Ли. Они прочли все книги, которые у него были, и потребовали еще. Они вобрали в себя все, что было известно о недвижимом и движимом имуществе, о государственном устройстве и правилах судебной процедуры. Они запомнили труды самых авторитетных служителей Немезиды, кодекс римских законов, изданный при императоре Юстиниане, и множество других фолиантов, смертельно скучных и увесистых, как надгробные плиты.

Грейс бушевала. Она заявила, что не желает жить с человеком, который хочет, чтобы его имя попало в газеты. Это заявление было довольно несуразным. Вниманием публики владел в то время новый скандал, связанный с выполнением заказов на новую космическую станцию, и тот факт, что компания «Сделай сам» обвинила некоего Гордона Найта в присвоении какого-то робота, прошел почти не замеченным.

Ли спустился с холма и поговорил с Грейс. Альберт поднялся из подвала и тоже побеседовал с ней. Совместными усилиями ее наконец утихомирили и уговорили вернуться к живописи. Теперь она писала морские пейзажи.

А в кабинете Ли тем временем трудились роботы.

— Я надеюсь, что они кое-чего наберутся,— сказал Ли.— Подумать только, теперь не надо будет рыться в источниках и охотиться за цитатами: под рукой мгновенно окажется любая статья закона, любой судебный прецедент!

Он взволнованно качался в гамаке.

— Господи! — восхищался он.— А как блестяще можно излагать дело!

Он хлебнул вина и поставил кувшин под гамак.

— Они там теперь беседуют,— сказал Ли, ткнув большим пальцем в сторону библиотеки.— Не говоря вслух ни слова, они договариваются обо всем. Я чувствую себя не в своей тарелке.— Он взглянул на небо и нахмурился.— Словно я, человек, нужен им всего лишь для представительства.

— Я вздохну с облегчением, когда все это кончится,— сказал Найт.— Каково бы ни было решение суда.

— И я тоже,— согласился Ли.

* * *

*

Суд начался без всякой шумихи. Слушалось обычное очередное дело.

Громадные заголовки в газетах появились только после того, как Ли и Найт вошли в зал суда в сопровождении взвода роботов.

Все, кто присутствовал в зале, громко заговорили, перебивая друг друга. Адвокаты компании «Сделай сам» широко раскрыли рты и повскакали с мест. Судья неистово застучал молотком.

— Мистер Ли,— воскликнул он,— что это значит?

— Это, ваша честь,— спокойно ответил Ли,— мои помощники.

— Они роботы!

— Совершенно верно, ваша честь.

— Они не имеют права принимать участие в судебной процедуре.

— Прошу прощения, ваша честь, но им и не надо принимать участия. Я здесь единственный представитель ответчика. Мой клиент,— сказал он, взглянув на мощный отряд юридических светил, представляющих компанию «Сделай сам»,— бедный человек, ваша честь. Я надеюсь, что суд не откажет мне в праве воспользоваться той помощью, которую мне удалось организовать.

— Но это противоречит правилам судопроизводства, сэр.

— Прошу прощения, ваша честь, но я осмелюсь указать на то, что мы живем в век механизации. Почти все отрасли промышленности и бизнеса опираются в своей работе на вычислительную технику, которая справляется с делом быстрее и лучше, чем люди. При этом используется способность машин выполнять умственную работу, которую прежде приходилось делать людям.

Тенденция опираться на умные машины и широко использовать их,— продолжал Ли,— проявляется в любой области человеческой деятельности. Даже в такой области, ваша честь, как фармацевтическая промышленность, где при составлении лекарств недопустима даже малейшая ошибка, работают надежно машины. Надеюсь, вы согласитесь со мной, ваша честь, что правосудие, безусловно, такое же щепетильное дело, как и производство лекарств, отправляется...

— Погодите, мистер Ли,— перебил его судья.— Уж не пытаетесь ли вы доказать мне, что использование... э... машин может способствовать лучшему отправлению правосудия?

— Правосудие, ваша честь,— ответил Ли,— стремится к установлению порядка во взаимоотношениях между людьми. Надо ли мне указывать на то, что именно умные машины, весьма возможно, явятся наилучшим воплощением логики и здравого смысла? Машина не унаследует человеческих эмоций, на нее не будут влиять предрассудки и предубеждения. Ее будет интересовать только логическая последовательность определенных фактов и логика самих законов.

Я не прошу,— сказал в заключение Ли,— чтобы за моими помощниками-роботами было признано какое-либо официальное положение в суде. Я не хочу, чтобы они принимали участие в процедуре, связанной с делом, которое рассматривает данный суд. Но я прошу, и, думаю, вполне законно, чтобы меня не лишали той помощи, которую они могут мне оказать. Истец в этом деле имеет десяток адвокатов, хороших и способных людей. Я один против многих. Я сделаю все, что в состоянии сделать. Но налицо неравенство в силах, и я прошу суд не ставить меня в невыгодное положение.

Ли сел.

— Это все, что вы хотели сказать, мистер Ли? — спросил судья.— Вы уверены, что ничего не добавите к сказанному, прежде чем я вынесу свое решение?

— Только одно,— сказал Ли.— Если ваша честь можете указать мне на какой-нибудь пункт в судебных уложениях, конкретно запрещающий использовать робота...

— Это смешно, сэр! Конечно, такого пункта нет. Никто и никогда не думал, что возникнет такое непредвиденное обстоятельство. Поэтому, вполне естественно, не было причины предусматривать в уложениях подобное запрещение.

— Может быть, есть какая-нибудь косвенная ссылка, которая подразумевает нечто подобное?

Судья схватил молоток. Раздался сильный удар.

— Суд находится в затруднении. Решение будет объявлено завтра утром.

На следующее утро адвокаты компании «Сделай сам» попытались помочь судье. Поскольку, заявили они, упомянутые роботы являются именно теми предметами, установление принадлежности которых явилось причиной тяжбы, то использование их в суде ответчиком было бы незаконным. Они указали также на то, что такое действие было бы равносильно попытке принудить истца содействовать выступлению против его собственных интересов.

Судья кивал головой в знак согласия, но тотчас же поднялся Ли.

— Чтобы этот аргумент мог стать обоснованным, ваша честь, надо прежде всего доказать, что роботы действительно принадлежат истцу. Это, собственно, и является предметом тяжбы, рассматриваемой в данном случае. Возникает такое впечатление, ваша честь, что джентльмены, сидящие напротив, запрягают лошадь не с той стороны телеги.

Его честь со вздохом сказал:

— Суд сожалеет о том, что ему приходится выносить решение, хорошо зная, что оно положит начало спору, беспристрастное разрешение которого может не быть найдено еще очень долго. Но за отсутствием конкретного запрещения использовать... э... роботов в занятиях правом суд постановляет: защите ответчика разрешается пользоваться их услугами.— Он остановил взгляд на Ли.— Но суд хочет также предупредить защитника, чтобы он следил за своим поведением. Если, сэр, вы хоть в малом нарушите то, что я считаю правилами поведения в суде, я немедленно удалю вас и ваши машины из зала заседания.

— Спасибо, ваша честь,— сказал Ли.— Я буду очень осмотрителен.

— Теперь истец может изложить дело.

Поднялся главный адвокат компании «Сделай сам».

Он сказал, что ответчик, некий Гордон Найт, заказал компании один комплект механо-биологической собаки на сумму в

двести пятьдесят долларов. Но из-за ошибки при погрузке ответчику послали не комплект собаки, который он заказал, а робота по имени Альберт.

— Ваша честь,— перебил его Ли,— я должен заметить в этой связи, что погрузка комплекта производилась человеком, и это было причиной ошибки. Если бы компания «Сделай сам» применяла машины, такой ошибки могло не случиться.

Судья ударил молотком.

— Мистер Ли, вы не новичок в суде. Вы сами знаете, что нарушили порядок.— Он кивнул адвокату компании.— Продолжайте, пожалуйста.

Адвокат компании сказал, что робот Альберт — это не обычный робот. Это экспериментальная модель, созданная компанией «Сделай сам». После испытания ее способностей модель была упакована и отложена. Никто не собирався ее продавать. Как получилось, что она была послана Гордону Найту, трудно себе представить. Компания провела расследование, но не могла найти виновного. Однако тот факт, что модель была послана, очевиден сам по себе.

Адвокат объяснил далее, что розничная цена обыкновенного робота равна десяти тысячам долларов. Альберт стоит гораздо дороже... Определить его стоимость поистине невозможно.

По получении робота покупатель Гордон Найт должен был немедленно известить компанию. Но вместо этого покупатель оставил робота у себя и обманным путем использовал его в своих корыстных целях. Компания просит суд обязать ответчика вернуть не только робота Альберта, но и продукты его труда, а именно неизвестное число роботов, которых произвел Альберт.

Адвокат сел.

— Ваша честь,— сказал, в свою очередь, Ли,— мы согласны со всем, что сказал здесь истец. Он точно изложил суть дела, и я поздравляю его с превосходной речью.

— Следует ли мне понимать, сэр,— спросил судья,— что ваше заявление равносильно признанию вины? Вы, по-видимому, собираетесь положить полностью на милость суда?

— Ни в коем случае, ваша честь.

— Признаться,— сказал судья,— я не в состоянии следить за ходом ваших рассуждений. Если вы признаете обвинения, выдвинутые против вашего клиента, то непонятно, как я могу вывести какое-либо постановление не в пользу истца.

— Ваша честь, мы готовы показать, что истец, вовсе не обманутый моим клиентом, сам имеет намерение обмануть весь мир. Мы готовы доказать, что, приняв решение скрыть от об-

щества изобретение Альберта, компания «Сделай сам» собиралась тем самым лишить человечество возможности сделать следующий шаг по пути развития.

Ли на мгновение умолк, потом продолжал:

— Ваша честь, мы убеждены, что сможем доказать нарушение компанией некоторых законоположений, специально установленных для того, чтобы ограничить действия монополий. Мы готовы далее утверждать, что ответчик не только не совершил чего-либо предосудительного против общества, а, наоборот, оказал обществу большую услугу. Более того, ваша честь, мы намереваемся представить доказательства, которые будут свидетельствовать о том, что роботы без достаточного основания лишены некоторых неотъемлемых прав...

— Мистер Ли,— предостерегающе сказал судья,— робот — это всего лишь машина.

— Мы докажем, ваша честь,— возразил Ли,— что робот — нечто гораздо большее, чем просто машина, что робот во всем, кроме обмена веществ, является копией человека и что даже обмен веществ в нем до некоторой степени аналогичен обмену веществ человека...

— Мистер Ли, вы ушли далеко в сторону. Рассматривается вопрос о том, присвоил ли незаконно ваш клиент собственность компании «Сделай сам».

— Я к этому и иду,— сказал Ли.— Но, делая это, я намереваюсь доказать, что робот Альберт не был собственностью и не мог быть украден или продан. Я намереваюсь доказать, что мой клиент вовсе не украл его, а освободил. И если в этом процессе мне приходится уходить в сторону, чтобы развить некоторые принципиальные положения, то я прошу суд простить меня за то, что я испытываю его терпение.

— Вы испытываете терпение суда с самого начала,— сказал ему судья.— Но суд справедлив, и у вас есть право доказывать то, что вы утверждаете. Вы простите мне, если я все-таки скажу, что ваши доводы немного притянуты за волосы.

— Ваша честь, я сделаю все, что в моих силах, чтобы вывести вас из этого заблуждения.

— В таком случае все в порядке,— сказал судья.— Давайте приступим к рассмотрению дела по существу.

* *
*

Процес продолжался шесть недель, и страна жила им. О нем кричали огромные заголовки на первых страницах газет. Им кормились радио и телевидение. Сосед препирался с соседом, обычными стали споры на углах улиц, в семье, в

клубах, в конторах. Письма читателей полноводным потоком захлестывали редакции газет.

Состоялись митинги. На них ораторы выражали свое негодование, считая нелепым ставить знак равенства между человеком и роботом. Создавались комитеты, выступавшие, наоборот, за освобождение роботов и наделение их человеческими правами. В психиатрических лечебницах резко снизилось число Наполеонов и Гитлеров, вместо которых появились неуклюже вышагивающие пациенты, объявляющие себя роботами.

Вмешалось министерство финансов. В силу экономических соображений оно просило суд объявить раз и навсегда, что роботы являются имуществом. В письме министерства говорилось, что в случае если роботы не будут облагаться как собственность, то различные государственные учреждения не досчитаются многих доходов.

Суд выносил определения.

Роботы обладают свободой воли. Это было легко доказано. Робот может выполнить дело, порученное ему, действуя правильно, сообразуясь с непредвиденными факторами. Способность роботов судить здраво во многих случаях, как было доказано, стоит даже выше здравого смысла человеческого.

Роботы обладают способностью рассуждать. Это было вне всякого сомнения.

Роботам присуща способность размножаться. Это было трудно доказать. Все, что делает Альберт, утверждали представители компании «Сделай сам», является работой, для которой он был сконструирован. Ли доказывал, что Альберт размножается. Он делает это сознательно. Он любит роботов и считает их членами своей семьи. Он даже дает им имена в свою честь — имя каждого начинается с «А».

Роботы нерелигиозны. Ли заявил, что это не относится к делу. Многие люди являются агностиками и атеистами и тем не менее считаются людьми.

У роботов нет эмоций. Ли возражал, что это не совсем верно. Альберт любит своих сыновей. Роботы обладают чувством справедливости. Если у них и нет некоторых эмоций, то, может быть, это и к лучшему. Они, например, неспособны ненавидеть. Или быть алчными. Ли потратил почти час, излагая суду мрачную историю человеческой злобы и алчности. Еще час он клеймил рабство, в которое обращали разумных существ.

Газеты публиковали его речи. Адвокаты истца корчились от возмущения. Судья гневался. Процесс продолжался.

— Мистер Ли, — спрашивал судья, — к чему все это?

— Ваша честь, — отвечал ему Ли, — я просто делаю все, что в моих силах, чтобы обосновать ту точку зрения, которую я

взялся доказывать. В действиях, в которых обвиняется мой клиент, нет ничего противозаконного. Я просто утверждаю, что робот не является имуществом и, следовательно, не может быть украден. Я...

— Ладно,— сказал судья.— Ладно. Продолжайте, мистер Ли.

Адвокаты компании «Сделай сам», доказывая свою точку зрения, щеголяли ссылками на юридические авторитеты. Ли отвечал градом цитат, разбивая их в пух и прах. Невразумительный язык юридических сочинений расцвел пышным цветом, давно забытые судебные решения становились предметом ожесточенного спора, обсасывались и кромсались.

По мере того как процесс продвигался, становилось ясно одно: Энсон Ли, неизвестный адвокат, на которого навалилась куча талантливейших юристов, выходил победителем. В его распоряжении оказывались все относящиеся к делу тексты законов, цитаты, точные ссылки на источники, описания прецедентов, все факты и безупречная логика.

Вернее, все это было у роботов. Они бешено скрипели перьями и вручали ему свои заметки. К концу каждого дня пол вокруг стола Ли покрывали вороха бумаги.

Процесс заканчивался. Последний свидетель дал показания. Последний адвокат сказал свое слово.

Ли и роботы остались в городе, чтобы дожидаться решения суда, а Найт улетел домой. Он облегченно вздохнул, когда судоговорение кончилось и все вышло не так уж плохо. По крайней мере его не выставили на посмешище как дурака и вора. Ли отстоял его достоинство, но спас ли юрист его шкуру — это было покамест неизвестно.

Еще в воздухе Найт увидел свой участок и с удивлением отметил, что там все изменилось. Дом окружало кольцо высоких столбов, а на газоне стояло более десятка каких-то механических чудовищ, напоминавших ракетные установки. Найт стал планировать и высунулся из кабины, чтобы лучше видеть.

Столбы были высотой футов в двенадцать. Они поддерживали густую стальную сетку, ограждавшую дом. Механические чудовища на газоне изготовились к бою. Все ракеты нацелились на Найта. При взгляде на них у него екнуло сердце.

Он осторожно пошел на снижение и перевел дыхание лишь тогда, когда колеса коснулись посадочной площадки. Как только он вылез из кабины, из-за угла дома выскочил Альберт.

— Что здесь происходит? — спросил Найт.

— На случай чрезвычайного положения приняты меры,— сказал Альберт.— Вот и все, хозяин. Мы готовы к любым неожиданностям.

— Каким это неожиданностям?

— Ну, например, если... толпа решится на самосуд.
— Вернее, если суд примет неблагоприятное для нас решение?

— И это тоже, хозяин.

— Не будете же вы воевать со всем миром!

— Мы не хотим возвращаться в компанию «Сделай сам»,— сказал Альберт.— Ни я, ни мои дети больше не достанемся им.

— Значит... сражаться до последней капли крови! — воскликнул Найт.

— Сражаться до последней капли крови! — хмуро подтвердил Альберт.— А мы, роботы, деремся отчаянно.

— А эти стрелялки, что торчат вокруг дома, они тоже роботы?

— Наши оборонительные силы, хозяин. Они бьют без промаха в любую цель. Они снабжены телескопическими глазами, вычислительными и сенсорными устройствами. Ракеты, после того, как их выпустят, благодаря остаточной способности к мышлению знают сами, что им делать. Если уж они сядут вам на хвост, увилить от них бесполезно. Лучше уж просто не двигаться и ждать.

Найт нахмурился.

— Вам придется отказаться от таких мыслей, Альберт. Вас уничтожат в течение часа. Одна бомба...

— Лучше умереть, хозяин, чем сдаться.

Найт понял, что спорить бесполезно.

Он подумал, что в конце концов роботы поступают по-человечески. Слова, которые произнес Альберт, звучали не раз в истории человеческого рода.

— У меня есть новость,— сказал Альберт.— Вы будете довольны. У меня теперь дочери.

— Дочери? С материнским инстинктом?

— Шесть дочерей,— гордо сказал Альберт.— Алиса, Ангелина, Агнесса, Агата, Альберта и Абигайль. Я не повторил ошибки компании «Сделай сам». Я дал им женские имена.

— И они будут, в свою очередь, размножаться?

— Вы бы только посмотрели на этих девочек! Всемером мы работаем великолепно. Но у нас кончились материалы, так что я накупил всякой всячины в долг. Надеюсь, вы не возражаете?

— Альберт,— сказал Найт,— неужели вы не понимаете, что я разорен? Уничтожен! У меня нет ни цента! Вы сделали меня банкротом!

— Наоборот, хозяин, мы прославили вас. Ваше имя — на первых страницах газет, вас показывают по телевизору.

Найт отошел от Альберта и, дважды споткнувшись на ступеньках лестницы, поднялся в дом. Он увидел робота с пыле-

сосом вместо руки, чистившего ковер. Он увидел робота с кистями вместо пальцев, аккуратно красившего двери и оконные рамы. Еще один робот чистил кирпичную облицовку камина.

Грейс что-то напевала в своей мастерской.

Найт подошел к мастерской и заглянул в дверь.

— О, это ты,— сказала Грейс.— Когда ты вернулся, дорогой? Я освобожусь примерно через час. Я работаю над морским пейзажем, и у меня никак не получается вода. Мне не хочется бросать работу. Боюсь, что мне изменяет чувство цвета.

Найт осторожно прикрыл дверь, прошел в гостиную и сел на стул. Поблизости не было ни одного робота.

— Пива,— сказал он, ожидая, что будет дальше.

Из кухни галопом примчался робот с бочкой на месте живота и с краником внизу бочки; на груди у него болтались блестящие медные кружки.

Он налил Найту пива. Пиво было холодное и приятное на вкус.

Найт неторопливо пил пиво и смотрел в окно. Вдруг он увидел, что оборонительные силы Альберта вновь заняли боевые позиции.

Хорошенькое дело! Если суд примет решение не в его пользу и представители компании «Сделай сам» явятся за своим имуществом, от них останется мокрое место в этой самой фантастической войне в истории человечества. Найт попытался представить себе, какие обвинения предъявят ему, если такая война начнется. Вооруженное восстание? Сопrotивление при аресте? Подстрекательство к мятежу? Конечно, они найдут, в чем обвинить... если только сам он останется в живых после этой заварухи.

Он повернулся к телевизору.

Прыщеватый комментатор взбивал обычную журналистскую мыльную пену: «...деловая жизнь фактически замерла. Многие промышленники боятся, что сопротивление их, возможно, будет недолгим, если Гордон Найт выиграет дело. Им придется потратить много денег, чтобы доказать в суде, что автоматические устройства на их предприятиях являются не роботами, а машинами. Нет сомнений, что большая часть автоматического оборудования предприятий состоит из машин, но управляют производством в основном умные системы, так или иначе относящиеся к разряду роботов. Если эти системы будут рассматриваться как роботы, то против промышленников могут быть возбуждены даже уголовные дела по обвинению в незаконном лишении свободы...»

«В Вашингтоне продолжают консультации. Министерство финансов обеспокоено тем, что снизится поступление налогов.

Но перед правительством стоят еще более серьезные проблемы. Например, вопрос гражданства. Если дело решится в пользу Найта, будет ли это значить, что всех роботов надо автоматически объявить американскими гражданами?»

«У политических деятелей тоже свои заботы. В предвидении новой категории избирателей все они заранее думают о том, как бы завоевать голоса роботов».

Найт выключил звук и уселся поудобнее, чтобы выпить еще пива.

— Хорошее пиво? — спросил пивной робот.

— Отличное,— ответил Найт.

Напряженность нарастала. Приближался решающий час.

Найт сидел у телевизора и ждал, когда на экране появится судья. Он слышал, как в комнате уже шумят собравшиеся роботы. В мастерской что-то весело напевала Грейс. Найт подумал, долго ли Грейс будет еще увлекаться живописью. Это увлечение продолжается дольше других, и дня два назад он уже толковал с Альбертом о строительстве картинной галереи для ее полотен, чтобы они не загромождали дом.

На экране появился наконец судья. Найт подумал, что у судьи вид человека, который не верил в привидения и вдруг увидел их воочию.

— Мне никогда не приходилось принимать такое трудное решение,— устало начал судья.— Следуя букве закона, я могу оказать губительное воздействие на его дух. После долгих дней изучения законов и обстоятельств данного дела я выношу решение в пользу ответчика Гордона Найта.

Но, принимая такое решение,— продолжал судья,— я создаю прецедент, имеющий далеко идущие последствия. Роботы не являются имуществом и не могут облагаться в качестве такового. В таком случае они должны быть людьми. А это значит, что они могут пользоваться всеми правами и привилегиями и вместе с тем нести полную ответственность и выполнять обязанности, как люди. Я не мог принять другого решения. Однако то, что я постановил, не укладывается в моем сознании. Это случилось впервые за все годы моей работы, и я все еще надеюсь, что вышестоящие судебные инстанции окажутся более мудрыми, чем я, и сочтут необходимым пересмотреть мое решение!

Найт встал и вышел в свой сад, раскинувшийся на всю сотню акров. Красоту сада сегодня сильно портили двенадцатифутовые столбы ограждения.

Процесс кончился для него как нельзя лучше. С него сняли обвинение, ему не надо платить налогов, а Альберт и другие

роботы стали вольными птицами и могут делать все, что им заблагорассудится.

Он присел на каменную скамью и стал смотреть на озеро. Сад его был прекрасен, таким он видел его только в мечтах — с дорожками и мостками, цветочными клумбами и моделями кораблей, которые ветерок раскачивал на подернутой рябью воде.

Найт сидел и смотрел. Сад был прекрасен, но он вдруг почувствовал, что не гордится садом и вообще не испытывает никакого удовлетворения.

Он убрал руки с коленей и сжал пальцы, словно держал в руках инструмент. Но в руках ничего не было. И он понял, почему равнодушен к саду и не испытывает никакой радости. Модель железной дороги. Стрельба из лука. Механо-биологическая собака. Художественная керамика. Восемь комнат, пристроенных к дому...

Сможет ли он когда-нибудь утешиться сделанной собственными руками моделью железной дороги? Впрочем, позволят ли ему сделать ее?

Он медленно встал и пошел к дому. Дома он еще сильнее почувствовал себя бесполезным и никому не нужным.

Он решил отправиться в подвал.

Альберт обнял его.

— Мы победили, хозяин! Я знал, что мы победим!

Робот отодвинул от себя Найта и положил ему руки на плечи.

— Мы никогда не уйдем от вас, хозяин. Мы останемся и будем работать на вас. Вы никогда ни в чем не будете нуждаться. Это сделаем для вас мы!

— Альберт...

— Все в порядке, хозяин. Вам ни о чем не надо беспокоиться. Мы разрешим и проблему с деньгами. Мы наделаем много роботов-юристов, и они будут получать большие гонорары.

— Но неужели вы не понимаете...

— Но в первую очередь,— продолжал Альберт,— мы собираемся добиться постановления суда, обеспечивающего наши права. Мы сделаны из стали, стекла, меди и тому подобного, верно? Вот мы и не можем позволить людям расходовать зря материалы, из которых сделаны мы, а также энергию, которая поддерживает нашу жизнь. Я уверяю вас, хозяин, что мы не проиграем!

Устало присев на скат, Найт увидел вывеску, которую только что намалевал Альберт. Красивыми золотыми буквами, обведенными для четкости черной краской, было написано:

— А потом, хозяин,— сказал Альберт,— мы приберем к рукам компанию «Сделай сам». Она теперь не в состоянии выдержать конкуренцию. У нас, роботов, есть великолепная идея. Мы будем делать роботов. Много роботов. Но не слишком много. И мы не собираемся подводить вас, людей, поэтому мы будем продолжать производить и старые комплекты, которые поставляла фирма «Сделай сам». Только все в этих изделиях будет собираться заранее, чтобы избавить вас, людей, от труда. Как вы думаете, для начала хватит?

— Вполне,— пробормотал Найт.

— У нас все продумано, хозяин. До конца жизни вам не надо будет беспокоиться ни о чем.

— Да,— вздохнул Найт,— ни о чем.

ДУРАК В ПОХОД СОБРАЛСЯ

Долгое время я был деревенским дурачком, но теперь я уже не дурак, хотя меня до сих пор обзывают болваном, а то и почище.

Я теперь гений! Но об этом я никому не скажу. Ни за что. Если узнают, станут остерегаться.

Никто не догадывается и не догадается. Я все так же шаркаю ногами, мой взгляд все так же пуст и речь бессвязна, как и прежде. Порой нелегко бывает помнить, что надо непременно шаркать, смотреть бессмысленным взглядом и бормотать чепуху, а иногда, наоборот, с большим трудом удерживаешься, чтобы не переиграть. Главное — не вызвать подозрений!

Все началось в то утро, когда я пошел на рыбалку.

За завтраком я сказал маме, что собираюсь порыбачить, и она не возражала. Она знает, что я люблю ловить рыбу. Когда я рыбачу, со мной не случается никаких неприятностей.

— Сходи, Джим,— сказала она.— Хорошо бы отведать рыбки.

— Я знаю, где ее ловить,— сказал я.— В яме, что сразу за домом Алфа Адамса.

— Сынок, не затевай ты ссоры с Алфом,— предупредила меня мама.— Если ты невзлюбил его...

— Он надул меня. Заставил работать больше, чем положено, а сам ничего не заплатил мне за это. Да еще смеется.

Не надо было мне говорить этого. Мама очень расстраивается, когда слышит, что надо мной смеются.

— Ну и пусть, не обращай внимания,— ласково сказала она.— Вспомни, что говорил проповедник Мартин в прошлое воскресенье. Он сказал...

— Я помню, что он сказал, но все равно не люблю, когда надо мной смеются. Я не позволю смеяться надо мной.

— Ладно,— с грустью согласилась мама.— Не позволяй.

Я доедал завтрак и думал о том, что проповедник Мартин — мастак говорить о смирении и покорности. Но я-то знаю, что он за человек, знаю и про его дела с органисткой Дженни Смит.

После завтрака я пошел в сарай за удочкой, а Баунс прибежал помогать мне. После мамы Баунс — мой лучший друг. Конечно, он не умеет разговаривать со мной... по-настоящему, но он и не смеется надо мной.

Копая червей, я спросил его, не хочет ли он отправиться со мной на рыбалку. Я видел, что ему очень хочется, и пошел в дом напротив предупредить миссис Лоусон, что Баунс пойдет со мной: Баунс ведь принадлежал ей, хотя почти все время проводил со мной.

Так мы и пошли: я с удочкой впереди, а Баунс следом, словно я был важной персоной. Но Баунс все равно гордился тем, что нас видит вместе.

Путь наш лежал мимо банка, и через большое окно я увидел банкира Пэттона, сидевшего за письменным столом. Вот у кого был важный вид! Да он и в самом деле был самой важной персоной в Мэплтоне. Я убавил шаг, чтобы вволю насладиться своей ненавистью к нему.

Мы с мамой не жили бы в этой старой развалюхе, где живем сейчас, если бы после смерти папы банкир Пэттон не лишил нас права выкупа закладной на наш дом.

Мы миновали усадьбу Алфа Адамса, у которого была лучшая ферма в городе, и о нем я тоже подумал с ненавистью, но не с такой, как о банкире Пэттоне. Адамс мне насолил поменьше — заставил работать больше положенного и не заплатил за это.

Алф был рослый хвастливый человек и, кажется, неплохой фермер, во всяком случае, ферма приносила доход. У него был большой новый коровник, и только он мог решиться выкрасить коровник не в красный цвет, как красят все коровники, а в белый с красной полосой. Ну разве бывают коровники в полоску?

Сразу за домом Алфа мы с Баунсом свернули с дороги и пошли через луг к речке, туда, где яма...

На другом конце луга вместе с остальным стадом пасся бык-медалист, принадлежавший Алфу. Увидев нас, он пошел в нашу сторону — не потому, что был зол и собирался напасть на нас,

а просто для порядка, на случай, если кто-нибудь вздумает сразиться с ним. Я не боялся его, потому что подружился с ним в то лето, когда работал у Алфа. Я, бывало, баловал его, чесал за ушами. Алф сказал, что я сумасшедший дурак, когда-нибудь бык прикончит меня.

— Никогда не доверяй быку,— говорил Алф.

Подойдя поближе и узнав, кто перед ним, бык решил, что мы ничего дурного ему не сделаем, и вернулся к стаду.

Мы подошли к яме, и я стал удить, а Баунс поскакал вверх по речке на разведку. Я вытащил несколько рыб, но не очень больших. Клев был плохой, и мне стало неинтересно. Я люблю ловить рыбу, когда хорошо ловится.

Тогда я стал фантазировать. А что если взять какое-нибудь маленькое поле... скажем, в сто квадратных футов... и хорошенько рассмотреть эту землю — сколько в ней можно найти самых разных растений!.. Я посмотрел на землю рядом с тем местом, где сидел, и увидел... обыкновенную луговую траву, несколько одуванчиков, листья щавеля, две фиалки и еще не распустившийся лютик.

Но что это? Вглядываясь в одуванчик, я вдруг заметил, что вижу весь цветок, а не только ту его часть, что растет над землей!

Не знаю, стал ли я видеть сквозь землю в то самое мгновение, когда засмотрелся на одуванчик, или немного раньше. Но так или иначе, я увидел, как уходит в землю стержневой корень одуванчика, как от него отходят маленькие мохнатые корешки, увидел, где сидят вообще все корни, как они берут воду и минеральные соли из земли, как откладываются запасы питательных веществ в корне и как одуванчик при помощи солнца делает их годными для усвоения. Странное дело, я ведь никогда не знал ничего этого прежде!

Я посмотрел на другие растения и увидел их точно так же — целиком. И я подумал: может, с моими глазами что-то случилось и теперь я буду видеть не только поверхность вещи, но и то, что у нее внутри. Тогда я попробовал увидеть все, как прежде, и у меня это получилось. Потом мне снова захотелось увидеть корень одуванчика, и я увидел.

Я сидел и думал: почему никогда раньше я не мог так видеть, а теперь могу? Тем временем мне захотелось узнать, что делается на дне ямы... И мне стало видно все как на ладони. Я мог теперь заглядывать в любой омут, где прячутся такие рыбины, каких в нашей речке еще никто не ловил.

Я ясно увидел, что возле моего крючка нет ни одной рыбешки, и стал передвигать его, пока он не очутился перед самым носом большущей рыбины. Но рыба, казалось, не замечала чер-

вяка. Может, она была сыта и просто лежала, шевеля плавниками и жабрами.

Я подвел крючок так близко, что он задел рыбу по носу, но она и на это не обратила ни малейшего внимания.

Тогда я заставил рыбу проголодаться.

Не спрашивайте меня, как я это сделал. Я не смогу объяснить. Просто я решил, что знаю, как выкинуть эту штуку. Заставил, значит, я рыбу проголодаться, и она накинулась на наживку, как Баунс на кость.

Рыба утянула поплавок под воду, я подсек ее и выдернул из воды. Сняв рыбину с крючка, я продернул сквозь ее жабры и рот веревку, на которой уже было нанизано штук пять рыбешек, пойманных раньше.

Потом я выбрал еще одну большую рыбину, подвел к ней крючок и заставил ее проголодаться.

За полтора часа я выловил всех больших рыб. Оставалась разная мелочь, но возиться с ней мне было уже ни к чему. На веревке почти не было места, и, когда я взял ее и пошел, конец связки волочился по земле. Мне пришлось перекинуть ее через плечо, и от рыбы рубашка сразу же стала мокрой.

Я позвал Баунса, и мы двинулись в город.

Всякий, кто попадался мне навстречу, останавливался и расспрашивал, где я поймал рыбу, на что ловил, осталась ли там еще рыба или я выловил всю. Когда я говорил, что выловил всю, люди хохотали до упаду.

Только было собрался я свернуть с главной улицы к дому, как из парикмахерской вышел банкир Пэттон. От него чудесно пахло всеми одеколонами, которыми парикмахер Джейк опрыскивает своих клиентов.

Увидев меня с рыбой, банкир остановился. Он посмотрел на меня, на рыбу и потер свои жирные руки. Потом заговорил со мной, как с маленьким:

— А ну, Джимми, говори, где ты взял всю эту рыбу?

Он сказал это таким тоном, будто рыба не моя или будто я ловил ее каким-нибудь запрещенным способом.

— В яме за домом Алфа,— ответил я.

И вдруг само собой получилось так, что я увидел его внутренности — точно так же, как корни одуванчика под землей. Желудок, кишки и еще что-то, наверное, печень, а надо всем этим, в какой-то рыхло-розовой массе,— пульсирующий ком, в котором я узнал сердце.

Я вытянул вперед руки... не руки, конечно, потому что в одной руке я держал удочку, а в другой рыбу, но у меня было такое ощущение, будто я протянул их, схватил его сердце и сильно сжал.

Банкир открыл рот, охнул и обмяк, как будто из него ушла вся сила, и мне пришлось отскочить в сторону, чтобы он не свалился прямо на меня.

Он упал и больше не вставал.

Из своей парикмахерской выбежал Джейк.

— Что с ним? — спросил он меня.

— Взял и упал, — ответил я.

Джейк посмотрел на банкира.

— Это сердечный приступ. Уж я-то знаю. Бегу за доктором.

Он побежал по улице к дому врача Мейсона, а со всех сторон стали сбегаться люди.

Я узнал Бена с сыроварни, Майка из клуба и двух фермеров, приехавших за покупками.

Выбравшись из толпы, я пошел домой. Мама увидела рыбу и обрадовалась.

— Вот вкусно-то будет! — сказала она. — Как тебе удалось наловить так много, Джим?

— Клев был хороший, — пробормотал я.

— Так не теряй же времени, начинай чистить. Немного мы съедим сейчас, несколько штук я отнесу проповеднику Мартину, а остальное посолою и поставлю в погреб. Там она продержится еще не один день.

Тут прибежала миссис Лоусон, что живет напротив, и рассказала маме о том, что случилось с банкиром Пэттоном.

— Он как раз разговаривал с Джимом, — заметила она.

— Почему же ты молчал, Джим? — спросила меня мама.

— Не успел сказать, — ответил я. — Я показывал тебе рыбу.

Мама и миссис Лоусон заговорили, перебивая друг друга, о банкире, а я пошел в сарай чистить рыбу. Баунс сидел со мной рядом и наблюдал. Я готов поклясться, что он был доволен не меньше меня. Будто и в самом деле помогал мне ловить рыбу.

— Хороший выдался денек, Баунс, — сказал я, а Баунс согласился со мной. Он вспомнил, как носился вдоль речки и дразнил лягушку, вспомнил, как приятно пахнет земля, если ее хорошенько обнюхать.

Я вовсе не хочу убедить вас, что Баунс заговорил со мной. Но у него был такой вид, будто он и в самом деле умеет говорить.

Люди все смеются надо мной, отпускают шуточки и стараются поддеть меня, потому что я деревенский дурачок. Но когда-нибудь этот дурачок покажет им всем! Они бы до смерти испугались, если бы с ними, например, заговорила собака. Ну, а я считаю, что в этом нет ничего странного. Просто я подумал, как было бы хорошо, если бы Баунс заговорил и мне не надо

было бы угадывать, что он хочет сказать. Ничего удивительного я в этом не увидел бы, потому что всегда считал, что Баунс — смысленный пес, и стоит ему только захотеть, как он начнет говорить.

Так мы и болтали с Баунсом, пока я чистил рыбу. Когда я вышел из сарая, миссис Лоусон уже ушла домой, а мама на кухне готовила сковороду для рыбы.

— Джим, ты... — сказала она и запнулась. — Джим, ты ведь никакого отношения не имеешь к тому, что случилось с банкиром Пэттоном, правда? Ты не толкнул его, не ударил?

— Даже пальцем до него не дотронулся. — сказал я, и это была сущая правда. Я и в самом деле не коснулся его рукой.

Днем я работал на огороде. Мама иногда помогает кому-нибудь по хозяйству и зарабатывает немного, но если бы не огород, нам бы на это не прожить! Прежде зарабатывал и я, но после ссоры с Алфом из-за того, что он не заплатил мне, она не разрешает мне работать. Она говорит, что я и так ей помогаю, копаясь в огороде и добывая время от времени немного рыбы.

В огороде я нашел еще одно применение моему новому умению видеть. В капусте были черви — я их всех видел сквозь капустные листья и давил, как раздавил сердце банкира Пэттона. Обнаружив белесые пятнышки на кустах помидоров, я решил, что это какой-то вредитель. Они были такие маленькие, что сначала я их не заметил. Поэтому я их увеличил своим новым зрением, внимательно разглядел и заставил исчезнуть. Я не давил их, как червей, а просто сделал так, чтобы они пропали.

Интересно работать на огороде, когда можешь заглядывать в землю и видеть, как прорастают семена пастернака и редиса, убивать вредителей, узнавать, хороша ли земля и все ли в порядке.

На обед мы ели рыбу, на ужин — тоже рыбу. А после ужина я пошел прогуляться.

Сам не знаю как, я очутился у дома банкира Пэттона и, проходя мимо, почувствовал, что в доме этом горе.

Не входя в дом, я позволил горю войти в меня. Наверно, стоя снаружи, я мог бы совершенно легко увидеть сквозь стены, что делается в любом доме нашей деревни, но тогда я этого еще не знал. Я почувствовал горе в доме Пэттона только потому, что оно было глубокое и сильное.

Старшая дочь банкира была у себя в комнате наверну, и я почувствовал, что она плачет. Вторая дочь сидела с матерью

в гостинной. Ни та, ни другая не плакали, но у обеих был убитый вид. В доме были еще какие-то люди, но они не очень-то печалились. Вероятно, соседи пришли посидеть.

Мне стало жаль всех трех и захотелось помочь им. Ведь не их вина, что банкир Пэттон был таким плохим человеком.

И вдруг мне показалось, что я могу им помочь, и я начал с той дочери, что сидела наверху в своей комнате. Я мысленно приблизился к ней и стал внушать ей светлые мысли. Начало было не из легких, но очень скоро я освоился, и утешить ее не составило большого труда. Потом я утешил двух других и, довольный, пошел дальше.

Я прислушивался к тем домам, мимо которых проходил. Почти везде жили счастливые или, во всяком случае, довольные люди, хотя попало и несколько печальных. Машинально я задумывался о них и давал им счастье. Я вовсе не думал, что мне надо делать добро каким-то определенным людям. По правде говоря, я даже не помню, какие дома сделал счастливыми. Просто я подумал, что раз я могу делать это, надо делать.

Когда я вернулся, мама еще не ложилась, ждала меня. Она была немного встревожена: она всегда тревожится, когда я надолго исчезаю.

Я пошел в свою комнату, лег в постель, но долго не мог заснуть: все думал, как могло случиться, что я оказался способным на все эти штуки, и как неожиданно проявились сегодня эти способности. Наконец я заснул.

* *
*

Умывшись и позавтракав, я вышел на улицу и увидел, что Баунс ждет меня. Он сказал, что хочет погонять кроликов, и я согласился пойти с ним. Раз теперь мы можем разговаривать, вдвоем нам ловить кроликов будет сподручнее. Взобравшись на пень, или на грудку камней, или даже на дерево, я высматриваю кролика и кричу Баунсу, куда он бежит, а Баунс мчитя ему наперерез.

Мы пошли по дороге, ведущей к дому Алфа, потом свернули на луг и направились к поляне на склоне холма, что на той стороне речки.

Когда мы свернули с дороги, я оглянулся и снова подумал о том, как ненавижу я Алфа. И вдруг мне пришла в голову мысль. Я не знал, смогу ли осуществить ее, но мне она понравилась. Я решил попробовать.

Я перевел взгляд на коровник Алфа, мысленно прошел сквозь стены и очутился посреди сеновала. Кругом было сено,

но, как вы помните, сам я в это время стоял на лугу рядом с Баунсом, с которым мы пошли гонять кроликов.

Мне хотелось бы объяснить, что я сделал потом и как я это сделал, да только мне самому непонятно, откуда у меня взялось все это... Словом, знание химических реакций или как их там называют... Что-то сделалось с сеном, что-то с кислородом, и в сеновале зажегся огонь. Увидев, что огонь занялся хорошо, я убрался оттуда и снова очутился рядом с Баунсом. Потом мы перешли речку и стали подниматься по склону холма.

Я все оглядывался, думая, что огонь не разгорится, как вдруг из-под крыши сеновала потянулась тоненькая струйка дыма.

К тому времени мы уже вышли на поляну, я сел на пенёк и увидел, что огонь разгорелся вовсю и теперь уже ничто не может спасти коровник. С шумом рвалось пламя, густой столб дыма подымался в небо.

Возвращаясь домой, я зашел в лавку. Алф был там, но для человека, у которого только что сгорел коровник, у него был слишком довольный вид.

Очень скоро я понял, почему он такой довольный.

— Я застраховал коровник,— сказал он хозяину магазина Берту Джонсу,— застраховал до последнего гвоздика. Коровник был слишком велик, мне такой не нужен. Когда я строил его, то рассчитывал, что стадо будет побольше.

Берт хихикнул:

— Нагрел ты руки на пожаре, Алф!

— Такого везения у меня еще не бывало. Я построю новый коровник, да еще деньжата останутся.

Мне было досадно, что все так вышло, но я не терял надежды расквитаться с Алфом.

После полдника я пошел на луг Алфа и отыскивал быка. Он обрадовался мне, хотя и рыл землю копытом и громко ревел — хотел себя показать.

По дороге я все думал, смогу ли разговаривать с быком так, как разговаривал с Баунсом. Я боялся, что ничего не получится: ведь Баунс намного смышленнее быка.

И, конечно же, я оказался прав. Втолковать что-либо быку было ужасно трудно.

Зря я стал чесать у него за ушами — он закрыл глаза и почти заснул. Я чувствовал, как это ему приятно. Тогда я растормошил быка, ткнул кулаком в бок. Он расшевелился и даже пробормотал что-то в ответ. Очень эти быки неразговорчивы.

Но я был уверен, что он понял меня как следует,— он вдруг так рассвирипел и разбушевался, что меня даже страх взял,

не перестарался ли я. Я едва успел добежать до забора и перемахнуть через него. Домчавшись до забора, бык снова стал рыть землю копытами и так заревел, что меня как ветром сдуло.

Я вернулся домой очень довольный собой. Я ничуть бы не удивился, если бы услышал в тот же вечер, что Алфа покалечил его собственный бык. Что ж, так Алфу и надо: разве приятно, когда у тебя заживают заработок!

Когда кто-то принес известие о том, что случилось, я как раз был в клубе. Кто-то вспомнил, как Алф всегда говорил, что ни одному быку нельзя доверять. Еще кто-то добавил, что Алф часто говорил, будто только я могу управляться с его быком, и он все время опасался, как бы бык не убил меня.

Меня тоже спросили, что я думаю о случившемся. Но я притворился, будто двух слов связать не могу, и все смеялись надо мной, но мне было все равно. Я знал то, чего не знали они. Воображаю, как удивились бы они, узнав правду!

Но они ее, конечно, не узнают.

Не такой уж я проstack.

* *
*

Придя домой, я достал блокнот с карандашом и стал писать имена всех моих врагов, всех, кто хоть раз посмеялся надо мной, навредил мне или плохо говорил обо мне.

Список получился довольно длинный. Он включал почти всех в деревне.

Я подумал и решил, что, может быть, не стоит убивать всех. Я бы, конечно, сделал это запросто. Но, думая об Алфе и банкире Пэттоне, я понял, что от гибели людей, которых ненавидишь, радости мало. И еще мне было ясно как день, что, убивая всех, можно остаться совсем одному.

Я перечитал список. Два имени у меня вызвали сомнения, и я вычеркнул их, потом еще и еще... Просмотрев список еще раз, я все-таки подумал, что все оставшиеся в нем — люди плохие. Я решил, что если не уничтожу их, то что-нибудь сделаю с ними, потому что нельзя позволить им оставаться плохими.

Долго я думал о дурном и хорошем, вспоминал, что слышал об этом от проповедника Мартина. А он большой мастак на всякие такие разговоры. И я решил в конце концов, что с ненавистью к врагам мне надо кончать. Лучше платить добром за зло.

Утром я так торопился, что буквально проглотил завтрак. Мама спросила, куда я собираюсь, и я ответил, что хочу прогуляться.

Сперва я пошел к дому приходского священника и уселся за церковной оградой. Вскоре из дому вышел проповедник Мартин. Он стал прохаживаться взад и вперед по своему, как он говорил, саду и делал вид, будто погружен в благочестивые размышления. Правду сказать, мне всегда казалось, что он делает это для того, чтобы произвести впечатление на наших старушек.

Очень легко я соединился с его разумом, и так тесно, что мне показалось, будто не он, а я сам прохаживаюсь по саду. И, скажу я вам, странное это было ощущение: я ведь превосходно знал, что сижу за оградой.

Благочестивых размышлений у проповедника Мартина в голове и в помине не было. Он, оказывается, обдумывал доводы, которые собирался привести на приходском совете, чтобы ему повысили жалованье. Он мысленно осыпал проклятиями некоторых членов совета за их скупость, и я согласился с ним, потому что они и в самом деле скряги.

Я заставил его подумать о том, что прихожане верят ему и видят в нем своего духовного наставника. Я заставил его вспомнить о том, как в молодые годы, только что окончив семинарию, он считал, что жизнь — сплошное подвижничество. Я внушил ему мысль, что он предал все то, во что верил тогда, и довел его до такой степени самоуничужения, что он чуть не разрыдался. Тогда я заставил его прийти к выводу, что спастись он может, лишь покайся и начав другую, праведную, жизнь.

Решив, что я неплохо поработал над проповедником, я пошел дальше. Но я знал, что время от времени мне придется еще проверять проповедника Мартина.

Я зашел в лавку, сел и стал наблюдать, как Берт Джонс подметает пол. Пока мы с ним разговаривали, я пробрался к нему в разум и напомнил ему, что он сплошь и рядом платит фермерам за яйца меньше положенного. Заставил я его вспомнить и о привычке приписывать лишнее в счетах, которые он посылает покупателям, берущим в кредит, и о жульничестве с подоходным налогом. При мысли о подоходном налоге он перепугался, а я продолжал обработку, пока не почувствовал, что он почти решил возместить убытки

всем, кого обманывал. На этом я ушел из лавки, уверенный, что могу вернуться в любое время и сделать из Берта честного человека.

В парикмахерской я понаблюдал за Джейком, который кого-то подстригал. Меня не очень интересовал человек, которого стриг Джейк: он жил милях в пяти от нас, а я решил пока обрабатывать жителей только нашей деревни.

Когда я уходил, Джейк уже горько раскаивался в том, что увлекается азартными играми в клубе. Он был готов во всем чистосердечно признаться жене.

Я направился в клуб. Майк сидел в углу и читал в утренней газете отчет о бейсболе. Я взял вчерашнюю газету и сделал вид, что тоже читаю. Майк засмеялся и спросил, когда это я научился читать. За это ему, конечно, здорово достанется. Я знал, что стоит мне выйти за дверь, как он помчится в подвал и спустит весь запас самогона в канализацию, а немного погодя, когда я еще поработаю над ним, прикроет азартные игры в задней комнате клуба.

На сыроварне, куда я пошел, у меня не было возможности поработать над Беном. Фермеры везли молоко, и Бен был слишком занят, чтобы я мог по-настоящему пробраться к нему в голову. Но я все-таки заставил его подумать о том, что случится, если парикмахер Джейк когда-нибудь застанет его со своей женой. И я знал, что, как только мы останемся с ним одни, я его обработаю как миленького: он ведь очень труслив.

Так вот все и шло.

Это была тяжелая работа, и порой мне хотелось бросить ее. Тогда я напоминал себе, что это мой долг,— ведь недаром мне дана такая власть. Значит, надо сделать все, что от меня зависит. Кроме того, я должен применять ее не в своих эгоистических интересах, а только на благо других людей.

Кажется, я обработал в нашей деревне всех до единого.

* *
*

С тех пор, как Берт исправился, он стал самым счастливым человеком на свете. Его не тревожит даже потеря покупателей, которые обиделись на него, узнав, что он обжуливал их. Он рассказал им все, когда возвращал деньги. Я не знаю, как поживает Бен: он исчез сразу же после того, как Джейк стрелял в него. Все в один голос говорят, что Бен перестарался, попросив у Джейка прощения за то, что крутил с его женой. Впрочем, жена Джейка тоже исчезла. Говорят, она ушла с Беном.

По правде сказать, я очень доволен тем, как все получилось. Все стали честные, не жульничают, не пьянствуют, не играют

в азартные игры. Мэплтон, наверное, стал самой праведной деревней в Соединенных Штатах.

Я думаю, все это вышло потому, что начал я с искоренения собственных дурных мыслей, и вместо того, чтобы поубивать всех, кого ненавидел, я превратил их в хороших людей.

Когда вечерами я хожу по улице, меня удивляет одно: почему это у людей все меньше становится светлых мыслей? Порой приходится трудиться весь вечер, чтобы развеселить их. Казалось бы, честные люди должны быть счастливыми. Ведь, по-моему, теперь они не плохие, а хорошие,—теперь они не убивают время на легкомысленные развлечения, а заняты разумными, серьезными делами.

Только о себе вот немного беспокоюсь. Я сделал много добра, но, наверно, руководствовался эгоистическими побуждениями. Хотел искупить убийство Алфа и банкира Пэттона. Кроме того, я делал добро не людям вообще, а тем, кого знаю лично. Наверно, это неправильно. Почему я должен помогать только знакомым?

* *
*

Я провел ночь в раздумьях, и теперь мне все стало ясно. Приняв решение, я чувствую себя одновременно и могучим и робким. Я знаю, что призван творить добро, и меня ничто не остановит. Я знаю, что деревня была всего лишь пробным камнем: здесь я познал, на что способен. И теперь я намерен осчастливить все человечество.

Мама уже давно копит деньги на приличные похороны. Я знаю, где она их прячет.

Этого мне хватит, чтобы добраться до ООН. Там я развернусь вовсю!

СО Д Е Р Ж А Н И Е

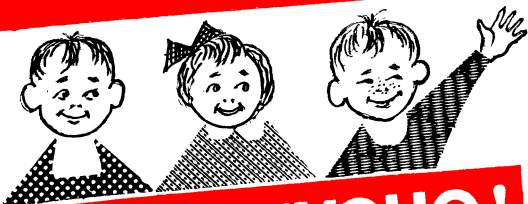
«Сделай сам». <i>Перевод Дмитрия Жукова</i>	3
Дурак в поход собрался. <i>Перевод Элеоноры Гержевич и Дмитрия Жукова</i>	36

Клиффорд Дональд Саймак
«СДЕЛАЙ САМ»

Редактор — **П. КРАВЧЕНКО.**

А 15073 Подписано к печати 29/ХІІ 1967 г. Формат бум. 70 × 108¹/₃₂.
объем 2,10 условн. печ. лист. 2,87 учетно-изд. л. Тираж 108 650
изд. № 2352. Заказ № 3246. Цена 6 коп.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва А-47, ул. «Правды», 24.

ВКУСНО!

ЕДИНОДУШНО ГОВОРЯТ ДЕТИ.
ВКУСНО!
ПОДТВЕРЖДАЮТ ВЗРОСЛЫЕ

Угодить вкусам всех помогает богатый выбор мороженого: пломбир, сливочное, с фруктами, орехами, шоколадом, эскимо, ленинградское, молочное.

Мороженое — это жиры, сахар, витамины.

